

ВАЛЕРИЙ ПЫЛАЕВ

Молот
ПОГРАНИЧЬЯ

Молот Пограничья

Валерий Пылаев

Молот Пограничья. Книга III

«Автор»

2026

Пылаев В.

Молот Пограничья. Книга III / В. Пылаев — «Автор»,
2026 — (Молот Пограничья)

Враг разбит – но не сломлен. Пока соседи зализывают раны, я наращиваю силу: дружина крепнет, Дар растет, а Тайга щедро делится добычей с теми, кто не боится заходить поглубже. Вот только на Пограничье передышки не бывают долгими. Ведь вместо старого врага явился новый. Таинственный стрелок из чащи, которому, кажется, подвластны сами таежные твари. Дерзкий и неуловимый – тень в человеческом облики, которая пришла по мою душу из глубины Тайги. Впрочем, порой куда страшнее то, что растет внутри. Новый аспект – темный и жадный, опасный не только для противников, но и для меня самого – и тех, кто со мной рядом. Неважно. Я готов сражаться любым оружием.

© Пылаев В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	30
Глава 7	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Валерий Пылаев

Молот Пограничья. Книга III

Глава 1

– Матушка милосердная, ну и дырень! Это ж как так вышло?

– И откуда она взялась? Слышу – грохочет что-то, а откуда – не пойму... Ой, ее сиятельство встала!

На этот раз пробуждение вышло... необычным. И с видениями из прошлого, и без них я почти всегда вставал раньше всех в Гром-камне: сила Стража вполне позволяла обходиться всего парой-тройкой часов сна. Изредка меня опережала только бабушка, которой непременно нужно было начать возиться по дому раньше прислуги. За ней обычно просыпался дядя – и шел будить гридней. Потом Полина. А ее сиятельство вредина запросто могла проспять и до полудня, если не занималась учебой, – видимо, потому что каждый вечер ковырялась со Святогором в оружейне.

В общем, господский дом – да и вся усадьба – оживали постепенно, будто даже старые здания были не против чуть-чуть понежиться в лучах рассвета перед тем, как вступить в новый день. Утро начиналось с тихих звуков, потом понемногу становилось громче и громче...

Но сегодня все было совсем не так!

– Что у вас тут такое? – Сонный голос бабушки доносился снизу, с первого этажа: видимо, она уже спустилась из своей комнаты на кухню. – Носитесь тут ни свет ни заря...

– Да вы посмотрите, Анна Федоровна! – испуганно отозвался кто-то из прислуги. – Видите, что творится?

Когда бабушка снова заговорила, сон как рукой сняло. Я, конечно, догадывался, что ее сиятельство княгиня Кострова знает такие слова, но уж если она не сдержалась и использовала их во всеулышание, значит...

Значит, случилось что-то из ряда вон выходящее.

Я вскочил с кровати, одним прыжком махнул до двери и помчался к лестнице, на бегу натягивая штаны. Пролетел вниз по ступенькам, потом наискосок через обеденный зал и только у самой кухни чуть замедлился, чтобы ненароком не снести кого-нибудь плечом.

За дверью меня ожидала немая сцена. Три фигуры – повариха, Иван, видимо уже успевший прибежать на крики с улицы, и бабушка в ночной рубашке, – застыв, разглядывали кастрюлю на столе. Ничего интересного в зрелище на первый взгляд не было, и лишь подойдя поближе, я наконец сообразил, в чем дело.

В боку несчастной посуды зияла дыра примерно в мой кулак размером. Судя по оплавленным краям, ее оставил Огненный Шар – компактный, зато весьма приличной мощности. На это же намекал повисший в воздухе запах горелого и закопченная вмятина на противоположной стенке кастрюли: магия пробила один слой эмалированного железа, но на второй ее уже не хватило.

– Моя любимая была... – растерянно пробормотала бабушка. – В чем теперь щи варить?

– Да это бы ничего, ваше сиятельство! – Повариха прокатилась по кухне сердитым шариком и ткнула пальцем в стену над раковиной. – Вы сюда поглядите!

На кастрюле перечень разрушений не заканчивался. Осторожно подойдя поближе и отодвинув повариху, я увидел еще одну дыру. Такой же формы и размера, только на этот раз проделанную прямо в стене кухни. Неведомое заклинание прожгло насквозь и доски, и толстые бревна сруба. И вряд ли примчалось из соседнего помещения.

Я чуть наклонился и, прищулив один глаз, разглядел напротив третью дыру. Похоже, ведущую уже прямо на улицу – судя по мягкому утреннему полумраку, разлившемуся по чулану.

– Это что ж такое получается, ваше сиятельство? – Иван легонько тронул меня за плечо. – Опять Зубовы пожаловали? Так сегодня ж мы с отцом с ночи в карауле стояли – а у нас мышь не проскочит!

– Нет, – усмехнулся я. – Точно не Зубовы.

Вряд ли хоть кому-то здесь могло дать подсказку едва заметное фиолетовое свечение на опаленных краях дыры, но мне уже приходилось такое видеть. И не так давно, чтобы воспоминания о подобных, на первый взгляд незначительных деталях успели стереться из памяти. Перед глазами снова пронеслись темные очертания деревьев в лесу за хутором, перепаханная сражением неведомых сил полянка и здоровенная туша, которую оружие Древних буквально превратило в решето.

Нет, магия здесь была, можно сказать, ни при чем. Дыра в стене напоминала те, что остались на теле некромедведя после схватки с Пальцекрылом. И я, кажется, уже понял, что именно ее проделало.

Осталось только выяснить – как.

– Можете не беспокоиться. Враги на нас не напали. – Я вышел обратно в обеденный зал, прошагал в коридор и принялся надевать ботинки. – Только напротив дыры в стене лучше все-таки не стойте. А то мало ли...

Иван растерянно посмотрел на меня, потом оглянулся обратно в сторону кухни. И снова на меня – будто никак не мог решить, что ему следует делать: то ли выйти на улицу и защищать своего князя от неведомой опасности, то ли остаться в доме с бабушкой, поварихой и дядей, который как раз с ворчанием топал где-то на лестнице.

Я не стал дожидаться, пока парень решится, и, кивнув, отправился к гриднице в гордом одиночестве. Как и следовало ожидать, четвертое – и, хотелось надеяться, последнее на сегодня! – отверстие зияло на стене в паре десятков шагов от господского дома. Разогретая до сверхвысоких температур плазма начала свой путь в покоях Святогора. И на этот раз ее источник почему-то сработал даже мощнее, чем тогда в лесу.

– Я не специально! И вообще – это оно само!

Когда я рывком распахнул дверь в оружейню, Катя отскочила от верстака, убирая руки за спину. Впрочем, вряд ли это было спектаклем для сердитого старшего брата. Судя по бледному лицу и вытаращенным в испуге глазам, ее сиятельство вредина сама не ожидала подобного эффекта. И только сейчас сообразила, что ее любопытство запросто могло продырявить вместе со стеной кого-то из домашних.

– Прости... – еле слышно прошептала она. – Там... Там не?..

– Все целы. – Я прикрыл за собой дверь. – Ты что тут устроила, госпожа изобретатель?

В целом все и так было понятнее некуда: полуразобранная голова Пальцекрыла на верстаке и зажатая в тиски на верстаке пушка из его пасти почти не оставляли простора для домыслов. Страшное оружие автомата сделало один-единственный выстрел.

Похоже, последний: блок управления почернел и оплавился, короткий ствол согнулся, обвиснув под собственным весом, а его наконечник выглядел так, будто только что побывал в горне с первородным пламенем. Оплавленный металл все еще тускло сиял алым, понемногу остывая. Даже для конструкции Древних нагрузка оказалась запредельной – пушка явно свое отработала.

– Жалко, конечно... – вздохнула Катя. – Если честно, я и не думала, что получится. А оно как пальнет!

– Жалко ей... Хорошо, самой руки не оторвало! – Я нахмурился, старательно изображая грозного старшего брата. Но потом все-таки не выдержал и задал вопрос, который на самом

деле интересовал меня куда больше воспитательного процесса: – Ты откуда энергию взяла, госпожа изобретатель? Там же вся голова от жив-камня работает.

– Необязательно. Вот тут провод к блоку шел. Толстый такой, как у дяди в автомобиле. – Катя сначала порыскала взглядом по разложенным на верстаке деталям автоматона, но потом просто ткнула пальцем в обрезок, свисавший из пушки в тисках. – Но можно и напрямую подать, без трансформаторов, без...

– Да это понятно. – Я махнул рукой. – А взяла-то откуда? Тут или жив-камень нужен, или резерв как у Горчакова. Чудес не бывает.

– Из жив-камня и взяла. Который там, в подземелье. – Катя вытянула руку в сторону господского дома. – На нем чары какие-то странные еще. Не знаю, откуда взялись, но мана так и хлещет. Я вот и подумала, что можно попробовать к ним эту штуку приделать, чтобы заработала.

От неожиданности я едва не закашлялся. Мне уже приходило в голову, что младшая сестренка сообщает в некоторых видах магии получше всей семьи, вместе взятой, но такое... Ей хватило таланта не только распознать среди местных чар контур с первородным пламенем, но и каким-то образом подцепиться к нему и взять ману для эмиттера плазменной пушки.

С остальным, впрочем, вышла промашка: энергии оказалось слишком много, а про генератор магнитного поля, который должен был защищать хрупкое нутро устройства, Катя не могла знать по определению. Я никогда не соображал в технике, однако в общих чертах понял, что случилось: пушка заглотила в несколько раз больше маны, чем нужно, и попросту сгорела.

И все же результат впечатлял. Если как следует разобраться со всеми узлами и подключить источник нужной мощности, то на выходе получится оружие, по сравнению с которым даже голландовский штуцер покажется детской игрушкой. Не хуже картечных, которые стоят на стенах крепости в Орешке.

– Ругаться будешь? – осторожно поинтересовалась Катя, втягивая голову в плечи.

– Да теперь-то уж чего, – усмехнулся я. – Но бабушке мы об этом говорить, пожалуй, не будем. А то она с обеих голову снимет.

– Спасибо!

Ее сиятельство вредина заулыбалась во все зубы и, подбежав, обняла меня и уткнулась лбом в грудь.

– Да не за что. Мне, знаешь ли, тоже жить охота... А стенку починим. – Я погладил чернявую макушку. – Только в следующий раз одна с такими штуками не ковырайся. Лучше меня позови – вместе быстрее разберемся. Обещаешь?

– Обещаю! – Катя отступила на полшага и запрокинула голову. – Слово княжны!

– Только приberi тут все, княжна, пока не догадались, кто весь дом с утра на уши поставил. – Я развернулся и неторопливо зашагал к выходу. – А я уж тебя, так и быть, прикрою.

Улица встретила меня первыми лучами солнца и колючим утренним воздухом. По пути сюда я не обращал внимания на погоду, но теперь в очередной раз заметил, как сильно похолодало за последние дни. Октябрь уже вовсю заявлял свои права на все вокруг и, похоже, успел подзабыть, что ему положено хотя бы иногда быть теплым и мягким.

С того дня, как мы отбивались от незваных гостей, не прошло и двух недель, а Пограничье словно разбежалось и прыгнуло из лета прямо в раннюю зиму. Дядя чуть ли не каждый день предсказывал наступление морозов, и даже страсти, которые раньше бурлили, не прекращая, вдруг улеглись.

С тех пор как среднего Зубова заковали в кандалы и увезли в Москву под конвоем, не случилось ровным счетом ничего.

И мне оставалось только радоваться внезапному затишью, хоть оно наверняка и таило в себе бурю. И пока его сиятельство Николай Платонович вынашивал очередные коварные

планы, я готовился к новому витку войны. Отстраивал поместье, раздавал отцовские долги, нанимал людей – и вместе с сестрами и бабушкой ставил на ноги тех, кто в этом нуждался.

Гром-камень зализывал раны.

– Утро доброе, ваше сиятельство! Ну, как там Нева – еще не встала? А то больно холодно нынче!

Не успел я пройти и пару шагов вдоль гридницы, как мне навстречу выскочил Жихарь. Он зарос щетиной и слегка осунулся, однако себе не изменил: как и прежде зубоскалил по любому поводу и носился на костылях почти так же резво, как на своих двоих. Дар Полины спас ему ногу, но в одночасье справиться со сложным переломом все же не смог – на это требовалось время.

И хоть немного покоя – но он нам всем в лучшем случае снился. Я бы с радостью сгрузил работу на Ивана или дядю, однако Жихарь сам не собирался сидеть дома. И продолжал мотаться на «козлике» по всему Пограничью, благо нажимать на педали гипс на ноге не мешал нисколько.

– Нева течет, как ей и положено. – Я легонько хлопнул Жихаря по плечу. – Как там Рамиль? Поправляется?

– Уже ходит всюду, – отозвался тот. – Здоровый как медведь таежный – что ему сделается? Его и Паук не угробил, куда там зубовским.

Бой мы тогда выиграли подчистую. Зубов только убитыми потерял дюжину человек, а у меня выжили все – даже Рамиль, которому засадили в бок чуть ли не полметра стали. Полина буквально вытащила гридня с того света, и через две недели я мог смело заявлять, что победил без потерь.

Если не считать раны Седого, которому оторвало половину мизинца шальной пулей.

– А какая у нас гридница будет... – Жихарь уставился восторженным взглядом на свежий сруб за господским домом. – Поскорей бы уж переехать!

Мы оба видели новую обитель дружины уже сотню раз, но я и сам не удержался – и снова принялся любоваться.

Боровик знал свое дело. И плотники, которых они с Жихарем привезли из Тосны, отработали каждую копейку из казны Гром-камня. Я не слишком хорошо соображал в плотницком деле, так что мог оценить только внешний вид стремительно растущего здания – и он определенно оказался...

В самый раз – других слов я бы не придумал. Новая гридница получилась чуть ниже старой, зато в длину вытянулась едва ли не к самым соснам у обрыва над Невой. Сруб стоял на почтительном расстоянии, однако отсюда выглядел продолжением господского дома, будто Боровик нарочно пытался таким образом отдать дань тем временам, когда дружине полагалось жить с князем под одной крышей.

– Рано переезжать, – вздохнул я. – Бревно свежее, ему еще усохнуть надо. А внутри, дай Матерь, к весне закончим. Боровик сказал: по холоду окна ставить нельзя, или все стекла вылетят.

– Ну, весной – значит весной. – Жихарь зажал костыль под мышкой и махнул рукой. – Зато у нас тогда дружины уже с полсотни человек будет небось. Как бы не пришлось кого в старую гридницу селить.

– Полсотни... – буркнул я. – Быстрый ты, как курьерский поезд. Где столько народу за зиму взять?

– Так Седой из вольников уже троих привел. Мог и больше, так вы сами сказали, что пока не надо. – Жихарь пожал плечами. – А как по мне – пусть бы хоть дюжину набирал. Ребята среди них и толковые есть, а брони и штуцеров теперь на всех хватит.

Тут он, пожалуй, не ошибся: трофеев после боя было столько, что вполне можно снарядить небольшую армию. Себе я по праву победителя забрал только зачарованный клинок

и доспех Зубова, который как раз пришелся впору, а все остальное перекачало в закрома оружейни под надзор дяди. И, если он подсчитал стволы и броню без ошибки, запасы вполне позволяли увеличить дружину вдвое безо всяких усилий.

– Вольники вольниками, но наше дело – это ж не только по Тайге ходить и оленя в глаз бить со ста шагов, чтобы шкуру не попортить. – Я развернулся и не спеша направился обратно к господскому дому. – Тут и выучка, и дисциплина нужны. Надо в Орешек съездить. Вдруг кому из государевых людей служба надоела?

– Тоже верно. – Жихарь не стал спорить. – К вам в дружину, Игорь Данилович, солдаты еще в очередь выстроятся. А может, и из господ офицеров кто захочет. А то по выслуге баронского титула можно и не дожидаться, а тут – как знать. Да и жалованье небось не казенное дадите, а побогаче.

Я нахмурился и даже погрозил Жихарю пальцем – уж очень он много болтал. Хотя и по делу: после того как зубовские грузовики укатили обратно в Гатчину, моя казна пополнилась на такую сумму, о которой месяц назад я не мог и мечтать. Не знаю, что заставило его сиятельство Николая Платоновича так расщедриться, однако за мертвых гридней он заплатил такой же выкуп, как за живых.

Отказываться мы с дядей, ясное дело, не стали: деньги были нужны как никогда раньше, а для Тайной канцелярии один пленный Зубов стоил куда больше, чем вся его гвардия, вместе взятая.

Оставалось только надеяться, что высшие столичные чины не станут с ним миндальничать и за контрабанду наконец ответит вся семейка. У Зубовых наверняка были покровители и в Москве, однако надежда на справедливый суд все же оставалась: ходили слухи, что делом заинтересовался сам государь император.

Но на его решение я повлиять не мог никак – так что пока предпочитал заниматься насущными делами. Дружиной, стройкой, отцовскими бумагами...

– Глядите-ка, Игорь Данилович. – Жихарь остановился и вытянул костыль, указывая на крыльцо. – Никак, ее сиятельство Елена Ольгердовна в гости пожаловала. И вырядилась как – будто на бал!

Действительно, у господского дома нас уже дожидалась знакомая стройная фигурка. По какой-то причине облаченная не в привычный камуфляжный костюм, а в приталенный пиджак, узкую юбку и туфли на каблуке.

– Не иначе вас порадовать такой красотой решила. Тили-тили тесто, жених и невеста... – вполголоса затянул Жихарь, улыбаясь во всю ширь. Но, заметив мой взгляд, тут же захлопнул рот и на всякий случай отскочил на безопасное расстояние, ловко переставив костыли. – Все, ваше сиятельство, понял. Понял! Молчу-молчу!

Глава 2

– Доброго дня, Игорь Данилович! – Елена учтиво склонила голову, улыбнулась и, удивившись, что никого рядом нет, уже вполголоса добавила: – Привет!

Машины она оставила чуть в стороне, у Гром-камня – видимо, чтобы не перебудить здешних обитателей шумом мотора. Не знаю, когда Елена успела научиться водить, но здоровенный черный внедорожник – один из двух, которые мы взяли после боя с остальными трофеями, – ей определенно шел. Старший Зубов даже не пытался требовать свои машины обратно. Да и, пожалуй, не смог бы: имущество нападавших считалось собственностью победителей, и в этом древние обычаи Пограничья нисколько не противоречили государеву закону. И вряд ли с ними стал бы спорить даже Петр Петрович, вздумай я отправиться в Орешек и поставить его в известность о, скажем так, смене владельца.

Чего я, конечно же, делать не собирался.

– Здравствуй. – Я поднялся на крыльцо. – Чудесно выглядишь. Хотя и, признаться, непривычно видеть тебя в столь...

На этом месте я замялся: так и не сумел придумать подходящего слова. Изящный бежевый костюм и туфли украшали Елену ничуть не меньше дорогущего трофейного авто, однако подобные комплименты почему-то казались то ли неуместными, то ли неуклюжими. А может, дело было в том, что я привык видеть ее сиятельство исключительно в образе девушки-воина или таежной охотницы с луком за плечами, с которой мы уже не раз сражались бок о бок. И теперь, когда она вдруг превратилась в светскую красотку, я...

Нет, не то чтобы потерял дар речи – просто не знал, как к ней подступиться. И не пора ли переключиться на великосветский этикет и изображать из себя учтивого кавалера, хоть из одежды на мне и были только солдатские ботинки со штанами.

– В столь женственном облачении? – Елена, похоже, решила прийти мне на помощь. – Увы, положение княжны порой требует жертв.

– Если так – приноси их почаще, – улыбнулся я. – Приятно видеть тебя... такой.

– Ой, да ладно тебе... – Щеки Елены вдруг порозовели. Она отвернулась и принялась старательно поправлять волосы, будто с ее безупречной прической приключилось какое-то недоразумение. – Просто другая одежда. Наверное, для поездки в Орешек она подходит лучше.

Я молча кивнул. Работы в Ижоре теперь было не меньше, чем в Гром-камне, и немалая ее часть легла на плечи хозяйки. Аскольд еще не достиг подходящего возраста, а сам Горчаков за долгие годы бедности наверняка разучился вести дела. Старик неплохо управлялся с лесопилкой и охранял границы вотчины, однако для возни в Таежном приказе и прочих начальственных кабинетах, пожалуй, уже давно не годился.

– Если нужна помощь – мои люди к твоим услугам, – сказал я. – Как и я сам. Род Костровых у вас в долгу.

Я не собирался предаваться воспоминаниям, но в голове против воли снова проступила почти забытая за две недели картина: стремительный полет над лесом, распахнутое окно, чашка с чаем на столе. Книга, домашняя рубашка, надетая на влажное и горячее после душа голое тело. Мокрые темные пряди, рассыпавшиеся по плечам. Смутная тревога в глазах.

И я, зависший над полом бестелесным призраком и орущий Елене прямо в лицо, что дела плохи и если добрые соседи сейчас же не примчатся на помощь – завтра вотчина Зубовых будет зажимать их владения уже с обеих сторон. Когда чары алтаря рывком утащили меня обратно, я толком и не знал, услышала ли она хоть что-нибудь.

Услышала. И пришла – иначе я сейчас бы здесь не стоял.

– Скорее это мы в долгу. – Елена чуть склонила голову. – Не будь тебя рядом все это время, Зубовы давно сожрали бы нас с потрохами. Отец уже слишком стар, чтобы защищать свои владения в одиночку.

– Не уверен. Впрочем, давай поговорим об этом дома, в кабинете. – Я открыл дверь. – Воспитанному господину не положено стоять перед сиятельной княжной с голым торсом.

– Княжна нисколько не возражает. – Елена снова покраснела, но этот раз ответила уже без всякого смущения. – Но – как вам будет угодно, сударь.

Шагая к лестнице, я наткнулся на ее сиятельство вредину. Она, видимо, успела не только прибраться в оружейне, но и удрать до того, как домашние сообразили, кто именно повинен в гибели бабушкиной любимой кастрюли.

– Душа моя, – я осторожно поймал сестру за локоть, – не будешь ли ты любезна сходить на кухню и велеть подать чаю? Ее сиятельство Елена Ольгердовна замерзла.

– Сама принесу, – буркнула Катя.

И тут же принялась украдкой закатывать глаза, изображать поцелуи и даже поймала нас с Еленой в сложенное из пальцев сердечко. Но потом все-таки развернулась и помчалась через обеденный зал.

И правильно. Слово князя – закон. А за Катей, вообще-то, еще и должок.

– Прошу. – Я открыл дверь в кабинет и пропустил Елену вперед. – Устраивайся поудобнее. Я сейчас – только за рубашкой схожу.

Пока мне оставалось только догадываться, чего ради моя гостя прикатила в Гром-камень в такую рань, да еще и при параде. И если необычный облик вполне можно было списать на необходимость ехать днем в Орешек, то визит сюда означал...

Да что угодно – от самой обычной вежливости до какого-то важного дела, о котором непременно следовало сообщить как можно быстрее.

Судя по тому, что Елена ожидала меня у карты на стене, а не уселась на диван, – скорее второе.

– Отец уже говорил, куда хочет перевезти лесопилку?

Вот так, с порога, в лоб и без... кхм, без прелюдий. Не знаю, отправил ли старик дочку с поручением или это была ее инициатива, однако Елена перешла к делу сразу, без разговоров о погоде и тому подобных ненужных расшаркиваний.

– Разумеется, нет. – Я пожал плечами. – Мне вообще показалось, что он не в восторге от моей затеи.

– Не в восторге, – улыбнулась Елена, чуть склонив голову. – Но можно подумать, у нас есть выбор. Старик Зубов уже давно положил глаз на кусок земли между двумя речками, а после того, как ты посадил его сына на цепь, как беглого каторжника... Если честно, я даже немного удивляюсь, что лесопилка еще работает.

– А я нет, – усмехнулся я. – Его сиятельство дважды обломал о нас зубы и на третий раз спешить уже не будет. И к тому же у него сейчас есть дела и поважнее.

– Ну... Тогда и мы займемся своими. – Елена коснулась карты чуть выше и левее Отрадного – Тебе уже приходилось бывать в этом месте?

– Нет. – Я осторожно отодвинул ее руку, разглядывая небольшую голубую завитушку под боком у Невы. – Это что, какая-то речка?

– Черная. Их всего штук семь с таким названием, – на всякий случай уточнила Елене. – Но отца интересует именно эта.

И я, кажется, уже догадывался – почему. Прикинув масштаб, я сообразил, что речушка с незамысловатым именем протекала с севера на юг где-то между Великановым мостом и фортом Зубовых. Точнее, тем, что от него теперь осталось. Примерно в километре или двух от того места, где мы с Жихарем шли по следам огнедышащего оленя и наткнулись на отряд зубовских гридней.

Черная не впечатляла шириной и протяженностью, но именно в нее, если верить карте, Тайга собирала воду из всех окрестных речушек и ручейков, чтобы передать госпоже-Неве.

– Течение здесь наверняка сильное, – догадался я. – В самый раз, чтобы поставить плотину.

– Ага. Даже зимой не замерзает. Почти до самого устья. – Елена ткнула кончиками пальцев чуть выше места, где Черная впадала в Неву. – Хорошее место. Только в Тайге.

– Это меня как раз почти не смущает. В отличие от твоего отца. – Я пожал плечами. – Правда, пока не очень понимаю, зачем ты все это рассказываешь.

– Отец хочет строить новую лесопилку вместе с тобой. Одни мы не справимся, – вздохнула Елена. – Даже если получится перевезти и заново собрать все механизмы, сил сохранить их в Тайге не хватит. Нужно больше людей – и намного больше денег, чем мы можем себе позволить.

– Звучит разумно. – Я еще раз взглянул на карту. – Вместе мы и правда могли бы... Но я и не думал, что он согласится уступить хоть малую часть своего детища.

– Тебе – согласится. – Елена лучезарно улыбнулась. – И как по мне – лучше уж потерять половину дохода, чем лишиться его целиком. К тому же отец слишком стар, и кому-то нужно будет принять дела, когда ему захочется уйти на покой.

– У него есть ты. И Аскольд.

– Мальчишка с крохотной дружиной, которому еще три года до совершеннолетия? А что до меня, – Елена невесело вздохнула, – по местным обычаям женщине положено сидеть дома и ждать своего будущего мужа, а не болтаться по Тайге.

– Не вижу в этом ничего плохого. – Я шагнул к двери, принял из рук Кати поднос с чашками, блюдами и крохотной сахарницей и развернулся к столу. – Местные князья наверняка знают тебя с самого детства.

– И половина спит и видит, как бы женить на мне кого-нибудь из сыновей. Но вести дела старики предпочитают с мужчинами. – Елена улыбнулась, сдержанно, одними уголками рта. – К примеру – с сиятельным князем Костровым. Слухи об очередной твоей победе уже наверняка дошли до Москвы.

– Не знаю, как это поможет нам продать побольше бревен, – отозвался я. – Но предложение мне нравится. У Зубовых большие планы на Тайгу – и я не хочу, чтобы они владели ей безраздельно.

– Тогда ты наверняка не откажешься прогуляться за Неву. Скоро Велесова ночь... Тридцать первое октября, – на всякий случай уточнила Елена. – Отец каждый год собирает своих друзей на охоту и будет рад, если ты присоединишься.

– Это... вроде как приглашение? – улыбнулся я.

– Конечно! Еще спрашиваешь. Знаешь, я даже немного завидую – меня он с собой никогда не брал. – В голосе Елены на мгновение прорезалась обида. – Обычно старики уходят сразу на несколько дней, так что у вас будет достаточно времени и обсудить, и посмотреть там все. И заодно зажарить на костре целого кабана.

– Ну, от такого я уж точно не откажусь, – рассмеялся я. – Так и передай отцу... Кстати, раз уж ты здесь – у меня есть для тебя кое-что.

Добытый в бою трофей провалился на полке под картой с того самого дня, как мы пленили Зубова, а я так и не придумал, что делать с таким сокровищем. Но теперь, когда Елена появилась здесь, да еще с весьма интересным предложением от рода Горчаковых, все вдруг встало на свои места.

– У меня уже есть меч. Твоему отцу, пожалуй, нужно что-то потяжелее. – Я взял с полки сверток с зачарованным клинком. – А вот тебе будет в самый раз.

– Что?.. – Елена осторожно заглянула под ткань. – Матерь милосердная! Ты хочешь отдать мне меч Зубова?

– Да. – Я склонил голову. – Лук – это, конечно, хорошо, но кто знает, как и с кем тебе еще придется драться. А хорошее оружие никогда не бывает лишним.

– Не знаю, что и сказать. Таких ценных подарков мне еще не дарили. – Пока Елена принимала клинок из моих рук, ее щеки из розовых стали пунцовыми. – А ты не думал оставить его – к примеру, для Катерины?

– Думал, – усмехнулся я. – Но все же надеюсь, что к тому моменту, как она будет в силах владеть оружием, оно ей уже не понадобится.

– Да, конечно! Не подумай, что я не хочу, – кто в своем уме откажется от такого? Но... Хотя – неважно. – Елена вдруг приподнялась на носках туфель и неуклюже поцеловала меня в щеку. – Спасибо тебе!

– Ого... И тебе. – От неожиданности я даже отступил на шаг. – А теперь, когда мы вроде как покончили со всеми формальностями – как насчет чая?

– Прости, мне... Мне уже пора ехать. – Елена попятилась в сторону двери. – Извинись перед Катей и Олегом Михайловичем. И перед остальными тоже!

– Ты ведь только вошла. – Я почувствовал, как мои брови сами по себе поползли вверх. – К чему такая спешка?

– Меня уже ждут в Орешке. Правда, была очень рада тебя повидать, Игорь! – Елена спешной вперед вышла в коридор, едва не зацепившись за дверной косяк свертком с мечом. Там, похоже, споткнулась несколько раз и уже откуда-то с лестницы крикнула: – Прости, пожалуйста!

– Что... Хаос, что это за?.. – пробормотал я себе под нос.

Ничего даже отдаленно похожего на разумное объяснение происходящего у меня не было. Елена, бесстрашная дочь князя Горчакова, исходившая пешком оба берега Невы, то ли испугалась чего-то, то ли засмушалась, как девчонка-подросток из пансионата для благородных девиц. Мы сражались с ней бок о бок, не раз прикрывали друг друга и уже давно были на «ты». Можно сказать, дружили семьями. Она никогда не бегала ни от опасности, ни от драки – а теперь вдруг удрала. Да еще и так быстро, будто вместо драгоценного зачарованного клинка я предложил ей в подарок ядовитую змею.

Впрочем, как раз змей Елена наверняка не боялась нисколько.

Наверное, надо было пойти за ней. Выяснить, в чем, собственно, дело, – или хотя бы проводить до машины. Но удивление было так велико, что вместо этого ноги сами понесли меня к зеркалу.

Ничего интересного в нем ожидаемо не отразилось. Заострившиеся скулы и синяки под глазами от недосыпа так никуда и не делись, да и в целом вид мог быть и получше, однако того, чем объяснялось бы столь поспешное бегство прекрасной гостьи, я не увидел.

У меня не выросла вторая голова, кожа не превратилась в чешую, волосы уж тем более не выпали. Шея, чуть помятый ворот рубашки, плечи – все как всегда. Самое обычное лицо.

Даже симпатичное... Наверное.

– Даже интересно, что ты там увидел.

От неожиданности я едва не заехал в зеркало лбом. Дядя нечасто упражнялся в умении подкрадываться дома, однако всякий раз делал это совершенно некстати.

– Впрочем, меня куда больше интересует, почему Елена Ольгердовна мчалась по лестнице так, будто ты сделал ей какое-то непристойное предложение. – Дядя подпер дверной проем здоровенным плечом. – А может, даже не одно.

– Узнаешь – расскажи, – проворчал я, отворачиваясь от собственного отражения. – Вот уж не думал, что ее сиятельство так удивится подарку?

– Ты отдал ей меч Зубова?

– Ну... да. – Я пожал плечами. – У тебя какие-то возражения?

На этот раз дядя ответил не сразу. Сначала прищурился, потом долго смотрел на меня, будто просвечивая насквозь, и при этом то и дело морщился – в общем, всем своим видом давал понять, что я то ли сказал, то ли сделал какую-то несусветную глупость.

И только через полминуты заговорил снова.

– Да уж... Я иногда забываю, что ты всю жизнь прожил в Новгороде, а не на Пограничье. Нет, Игорь, – вздохнул дядя. – Никаких возражений у меня нет – и быть не может. Более того: вздумай ты подарить меч самому Горчакову – я бы сказал, что именно так и следует проявлять уважение к соседу и главе древнего рода. Но в случае с Еленой Ольгердовной все... скажем так, несколько сложнее.

– Сложнее? – удивленно переспросил я.

– Именно. Нет, ничего дурного она, конечно же, не подумала. В крайнем случае спишем все на то, что ты пока еще не успел изучить местные обычаи. В конце концов, дорогой подарок, который юноша дарит девушке благородных кровей, может и не означать... ничего такого. – Дядя посмотрел на меня исподлобья, но потом перестал хмуриться, вдруг заулыбался и, отвернувшись, закончил: – А может и означать кое-что очень серьезное. К примеру – намерение объединить ваши рода.

– О... да уж, – поморщился я. – Действительно, неловко вышло.

Я мог только догадываться, чем продолжится разговор. Дядя явно собрался то ли отчитывать меня за поспешность, то ли просто посмеяться от души.

Но не успел. За его спиной в полумраке коридора показалась знакомая худая фигура, и в кабинет влетел Иван. И одного взгляда на его встревоженное бледное лицо хватило понять, что у нас появилась проблема посерьезнее сбежавший княжны.

– Ваше сиятельство, там... Это самое...

– Да говори уже, – вздохнул я. – Меня сегодня, похоже, уже не удивишь ничем.

– Это вы зря, Игорь Данилович. – Иван выдавил из себя некое подобие улыбки. – Пойдемте на улицу – я лучше покажу.

Дядя отлип от стены, и через несколько мгновений мы уже спускались по лестнице. Шагая к двери, я не торопясь перебирал в голове варианты той дряни, которая могла случиться, – от почти обыденных до самых фантастических. Вроде появления старшего Зубова. Или самого императора. Или...

Впрочем, реальность, как всегда, оказалась куда занятнее самых смелых и необычных предположений.

– Вон там, – произнес Иван, указывая пальцем куда-то вдаль. – Видите, ваше сиятельство?

– Что-то никак не пойму. – Дядя приложил руку ко лбу, закрывая глаза от утреннего солнца. – Птица вроде летает... Только блестит вся – и здоровенная какая!

Я бы изрядно обрадовался, окажись неведомая тварь обычной чайкой, отожавшейся до размеров молодого теленка. Или даже очередным чудищем с аспектом, выбравшимся откуда-то из-за Котлина озера.

Но – увы.

– Палецкрыл это, – вздохнул я. – Над лесом летает – прямо за Невой.

Глава 3

– Глуши уже мотор. – Я развернулся к машинам. – На всю Тайгу гремит – не слышно ни черта!

Иван кивнул из-за стекла кабины, и мерное тарыхтение под капотом пикапа стихло. Тишина тут же навалилась со всех сторон, и через несколько мгновений, когда ухо привыкло к безмолвию, я начал различать даже едва заметные звуки – вроде позвякивания сочленений брони или хруста веточек под ботинками, с которым гридни переминались с ноги на ногу. Где-то в полукилometре в сторону Невы – там, откуда мы приехали, – недовольно верещали какие-то птицы. Видимо, их потревожил шум моторов, и они продолжали возмущаться, даже когда машины свернули с дороги и удалились вглубь леса.

Но здесь никаких звуков уже не было – на несколько сотен метров вокруг Тайга будто вымерла. Местные обитатели то ли разбежались подальше, то ли просто попрятались от незваных гостей.

– Тихо-то как. – Седой словно прочитал мои мысли. – Ни зверей, ни птиц не слышно. Ветра – и того нет.

– Пальцекрыл всех распугал, – вполголоса отозвался Василий. – Конечно – летает такая образина. Тут у кого угодно душа в пятки уйдет. Ну, или в эти, что у них там... копыта!

– Вот сейчас я не вижу, чтобы кто-то там летал. – Я запрокинул голову, разглядывая затянутое тучами небо над лесом. – Да и вообще ничего не вижу.

Дорога со сборами заняла минут сорок, не меньше, и половину ее мы ехали напрямик через чащу – там, где Тайга просматривалась от силы на четверть километра. А вверх и того меньше: хвоя на соснах оставалась такой же густой и темной, как обычно, да и лиственные деревья, хоть и пожелтели, пока не спешили расставаться с одеждой.

Пальцекрыл вполне мог сидеть где-нибудь наверху буквально в полусотне шагов – а мог уже давно умчаться обратно в Тайгу... Но я бы скорее поставил на второе. Не знаю, какая именно программа была у этого вида автоматов, однако обычно машины Древних или преследовали цель, или просто патрулировали окрестности.

И если уж Пальцекрыл приземлился – на то определенно имелась причина.

– Погода нынче такая, ваше сиятельство, – подал голос Боровик. – С самого утра пасмурно. Вот и не видно, носится ли там где эта ваша птица железная.

Я не собирался брать старика с собой, но он напросился сам. Видимо, уже давно устал плотничать и сидеть в усадьбе, выбираясь за пределы Отрадного раз в месяц – и то исключительно по важным делам. С годами Боровик утратил прыть и прежние силы, но Тайга звала его так же, как и раньше.

Молодые гридни в Гром-камне то и дело говорили о женитьбе. Или о том, чтобы однажды перебраться с Пограничья в Москву – или хотя бы в Новгород. Однако старики чтит древние обычаи настолько, что даже умирать планировали так же, как и жили: за Невой, с оружием в руке.

Впрочем, Боровик на тот свет, похоже, пока еще не спешил. Еще по дороге он сумел каким-то образом облачиться в броню и на небо поглядывал с настороженным любопытством. И нисколько не боялся, хоть и за всю свою долгую жизнь не встречал металлических тварей, подобных Пальцекрылу.

– Поглядывайте по сторонам, – скомандовал я, сбросив ножны с Разлучником с ремня на плечо. – И вверх тоже. Тварь хитрая, прятаться умеет не хуже живых. А если огнем плюнет – никакая броня не спасет.

Вряд ли кто-то из гридней знал такие термины, как эмиттер или высокотемпературная плазма. А некоторых в местном языке и вовсе не придумали, так что я еще по дороге попытался

объяснить все простыми и понятными словами. И, похоже, надо было стараться лучше. Гридни видели Пальцекрыла без головы и в разобранном виде, так что пока не представляли, насколько бронированная тварь может быть опасной. А потому буквально источали энтузиазм, жадность и надежды на солидную добычу. Я слушал их болтовню вполуха, но успел понять, что парни уже всюю прикидывали, за сколько рублей можно пристроить в Тосне электронные потроха и кресбулатовый доспех таежной машины.

– Хватит трепаться! – проворчал я, оборачиваясь. – Знаете поговорку – не дели броню неупокоенного автоматона. Его вообще-то еще найти надо.

Разговоры тут же смолкли, и дальше мы шли в тишине, которую нарушал только грузный металлический лязг. И, к сожалению, громче всех шумел я сам. Дядя наотрез отказался отпустить меня охотиться на Пальцекрыла без нормальной защиты, и вместо самодельной брони я надел трофейную зубовскую.

Она покрывала сталью и кресбулатом все тело и была куда надежнее и толще обычной, зато и весила столько, что я начал выдыхаться уже через сотню метров. Древнюю кирасу явно ковали не для простых смертных, а для Одаренного, способного магией добавить телу недостающих сил. Наверняка заключенные в металле чары умели расходовать совсем немного маны, но я из чистого упрямства продолжал напрягать мышцы.

Которым, пожалуй, не хватало как раз такой работы – в отказ, на пределе возможностей. Ежедневные тренировки уже давно укрепили спину и плечи, однако заменить полноценную вылазку в Тайгу, конечно же, не могли.

Впрочем, усталость с лихвой компенсировалась давно забытым приятным ощущением собственной непобедимости и могущества. По сравнению со штурмовым доспехом, который я носил в прежней жизни, зубовская броня показалась бы неуклюжей игрушкой, вырезанной из консервной банки, но в ней уже присутствовала благородная тяжесть, в которой я физически чувствовал то, по чему успел соскучиться.

Вес металла давил на плечи, однако вместе с усталостью приносил с собой и уверенность. Возвышаясь над гриднями, я снова ощущал себя непобедимым великаном, способным выдержать любой заклинание, любой удар. И не зря: пластины из кресбулата были неуязвимы для пуль любого, даже самого серьезного калибра, а от магии броню защищали чары.

– Не устали, ваше сиятельство? – Боровик чуть ускорил шаг, догоняя меня. – Тяжело, небось – в такой-то железяке?

– Ничего. – Я осторожно стер латной перчаткой стекавшую по носу капельку пота. – Не ломаюсь.

– Силен у вас князь, – послышался за спиной голос, полный одновременно и удивления, и чего-то весьма похожего на восхищение. – Другой бы свалился давно, а он знай себе идет.

Похоже, кто-то из новеньких. Старожилы Гром-камня уже не раз наблюдали меня и в бою, и в работе. И повидали достаточно, чтобы перестать удивляться запредельной для обычного человека физической мощи парня, не разменявшего третий десяток лет.

– Да хватит вам уже болтать, – уже без особой строгости буркнул я, оборачиваясь. – А то все на свете презеваете.

– Да мы тихонько, ваше сиятельство, – отозвался Седой, обходя меня справа. – Видите чего впереди?

Он явно волновался куда больше остальных. Переживал за сыновей – хотя, конечно же, тоже успел поучаствовать в беседе о богатствах, которые скрываются под броней Пальцекрыла.

– Пока не вижу. Но чувствую... – Я прищурился, глядя в тени под деревьями. И поднял свободную руку, сжимая кулак. – Всем стоять. Тихо!

Где-то впереди пульсировала магия. И не аспекты таежных тварей, а та, которая заставляла работать системы автоматов. Я уже чувствовал что-то похожее перед появлением Паль-

цекрыла, когда мчался по ночному лесу на рев некромедведя. Правда, на этот раз источник впереди явно был послабее.

Но не один, а несколько – то ли три, то ли четыре.

– Вот они, ваше сиятельство. – Седой опустился на одно колено и бесшумно достал из-за спины «холланд». – Видите? Впереди, метров сто отсюда.

Я не стал двигаться, чтобы поменьше лязгать броней, только слегка втянул голову в плечи. И через полминуты наконец сумел разглядеть, как там, куда указывал Седой, колыхнулись ветви молодых сосен. А потом услышал и шум: прерывистое гудение моторов и тихое постукивание, с которым в мох опускались...

Ноги? Или все-таки лапы? Небольшого размера автоматы перемещались на четырех конечностях, забавно раскачиваясь из стороны в сторону. Они двигались в нашу сторону, но, похоже, пока еще в режиме патрулирования – без спешки, то ли рысью, то ли быстрым шагом.

– Гончие, никак, – прошептал Боровик, снимая с плеча ремень штуцера. – Ваш батюшка про них рассказывал.

Собак металлические твари напоминали разве что габаритами – примерно по середину бедра в холке. Правда, никакой холки у них не было, как и полноценной шеи. Конечности и вытянутая голова без намека на нос или уши крепились прямо к продолговатому туловищу, поблескивавшему пластинами брони на боках и спине. С такого расстояния я еще не мог разглядеть сенсоры, но они наверняка имелись, и в достаточном количестве.

Три металлических твари, абсолютно одинаковые с виду.

С сотни шагов гончие казались неуклюжими, медлительными и совсем не страшными, но впечатление было обманчивым. Я прекрасно помнил, с какой скоростью могут перемещаться машины Древних, переходя в атакующий режим.

– Давай. Ты начинаешь, – прошептал я, кивнув Седому. – Остальные – держитесь за мной. Зря патроны не тратьте.

Я так и не понял, что случилось раньше – заговорили штуцера, или Гончие первыми заметили нас и рванули вперед, зажигая на металлических мордах алые лампочки сенсоров. Та, что двигалась первой, не успела одолеть и десятка шагов. Ствол «холланда» выплюнул целый сноп искр, и тяжелая пуля с лязгом опрокинула автомата в мох. Он несколько раз загреб лапами, пытаясь подняться, – и затих.

Вторую машину я уложил сам. С такого расстояния отлично сработали бы Факел или Красная плеть, но мне не терпелось опробовать недавно изученное заклинание, и я все же рискнул: кинул Жаровню, прицелившись на несколько шагов перед сияющей сенсорами мордой.

И едва не промазал: магия сработала чуть быстрее, чем я ожидал, и яркие лучи, похожие на пламя газовой горелки, вырвались из-под земли слишком близко ко мне. Но Гончая сама угробила себя, не успев остановиться. Моторы нутужно взвыли, попытавшись хотя бы изменить курс, однако скорость была уже слишком велика. Металлическое тело влетело в зону поражения, подставив огню не прикрытое броней брюхо. Передние конечности с визгом отвалились, разбрасывая во все стороны капли расплавленного металла, а потом жар добрался и до электронных внутренностей.

Третья тварь успела подобраться почти вплотную. Кресбулатовые щитки прямо под сенсорами с недобрим жужжанием разошлись в стороны, и из образовавшейся «пасти» выдвинулся трехгранный стилет длиной в полторы моих ладони. Гончая на ходу чуть припала на задние лапы, готовясь к прыжку, и я уже было размахнулся Красной Плетью, но гридни успели раньше.

Плечистая фигура бросилась наперерез автомату и одним ловким движением остановила его бег, засунув рукоять секиры в «пасть» прямо под блестящее острие. Моторы под броней нутужно взвыли, и ботинки Василия поползли с хрустом подошвами по земле – несмотря на скромные габариты, силы у Гончей было достаточно.

Но только для одного противника. Не успел я подобраться на расстояние удара мечом, как Иван первым пришел на помощь брату. Размахнулся и прямо на бегу ударил снизу вверх окованной сталью дубинкой, опрокидывая автоматон набок. Вторым, как ни странно, подоспел Боровик. Старик не стал полагаться на силу, а вместо этого подскочил и, просунув ружье в узкую щель между головой и туловищем, с грохотом разрядил оба ствола в беззащитные электронные внутренности.

Сенсоры Гончей в последний раз сердито мигнули – и погасли уже навсегда.

– Лихо вы, судари. – Я погасил так и не приготившийся в бою клинок Разлучника и вернул его обратно в ножны. – В следующий раз, пожалуй, и без меня справитесь.

– Не справимся, ваше сиятельство. – Седой лязгнул затвором, загоняя в ствол «холланда» новый патрон. – Слышите – еще один идет... Или летит.

Откуда-то со стороны Невы раздавался знакомый гул, и с каждым мгновением звук становился все ближе. Я пока еще не мог разглядеть в небе огромные крылья – мешали деревья, – но чтобы понять происходящее, хватало и звуков.

Силовая установка в металлическом брюхе работала на полную мощность, и автоматон летел прямо над верхушками сосен, высматривая в просветы между ветвей добычу... или своих павших товарищей. Я мог только догадываться, существовала ли между машинами Древних полноценная связь, но ее определенно стоило сделать.

И, судя по тому, как уверенно и резво Палецекрыл примчался на помощь младшим собратьям – таки сделали. А заодно и заложили в систему взаимодействия их боевых программ схему, которая не менялась на протяжении тысячелетий.

Сначала работала наземная разведка: несколько групп или отдельных единиц, способных пройти где угодно и выследить цель, не вступая в схватку без необходимости. И как только их сенсоры засекали что-то интересное – в эфир шел условный сигнал, и в дело вступая авиация. Немногочисленная, зато быстрая. И оснащенная бортовым вооружением, способным без особого труда наделать дырок даже в шкуре некромедведя.

– Быстро к деревьям! – скомандовал я и первым шагнул под защиту ближайшей сосны. – Пока Палецекрыл в воздухе – мы ему ничего не сделаем.

Штуцерами корпус не пробьешь даже снизу – разве что крупным калибром. А магия... Магией нужно еще попасть – а я в свое время уже успел убедиться, что маневрировать и уходить от атаки Палецекрыл умеет отлично. Видимо, такой мощной машине Древние не поленились отсыпать и соответствующий интеллект.

Гридни тут же разбежались в стороны, прижимаясь к толстым стволам. И не успели их шаги затихнуть, как над деревьями с гулом промчалась крылатая тень.

– Здоровый, зараза... – пробормотал Седой, выглядывая из-за сосны. – Улетел?

– Улетит он, как же. – Я прикрыл глаза, пытаюсь Даром нащупать стремительно удаляющуюся пульсацию жив-камня в бронированной груди Палецекрыла. – Скоро вернется. И будет кружить, пока не найдет.

– Так, может, я его... того? Свалится же, если из этой штуки в брюхо попасть. – Седой легонько похлопал по цевью «холланда». – Или в крыло куда-нибудь.

– Да черт его знает... Попробуй, – вздохнул я. – Только если промажешь – сразу беги. У него пушка в пасти – эту сосну насквозь прожжет и не заметит.

Я хотел было добавить, что лучше дожидаться, пока Палецекрыл уйдет на второй заход, и бить со стороны хвоста, но не успел: Седой уже поднял оружие и провожал стволом летящую над деревьями металлическую птицу. Оптика на «холланде» блеснула, отражая пробившиеся сквозь хвою лучи солнца, и вдруг дернулась назад.

Седой все-таки решил рискнуть. Взял на прицел не голову и не брюхо автоматона, а самое основание крыла, почти не защищенное броней.

И попал. Эхо от выстрела еще не успело стихнуть среди деревьев, а подбитая машина уже мчалась к земле, оставляя за собой дымящийся след. Его левое крыло с лязгом расправилось на всю длину, но правое лишь беспомощно выдало несколько искр и повисло, отправляя Палецекрыла в штопор. И не успел я как следует прицелиться Факелом, как он с треском рухнул в заросли в полутора сотнях шагов от нас.

– Попал! Папка, попал! – радостно завопил Иван, выскакивая из-за дерева. – Сейчас мы его...

– Стой! Куда собрался? – Я едва успел поймать парня за плечо бронированной рукой. – Осторожно подходим! И не высовывайтесь. Если что – сразу падайте!

Судя по вою моторов и треску, с которым Палецекрыл крушил тонкие деревца, сдаваться он явно не собирался. И если плазменная пушка уцелела при падении автоматона, то запросто могла угробить пару-тройку человек. Но я не собирался ждать, пока он прицелится.

И как только среди трясущейся зелени мелькнул кресбулат – тут же всадил туда Огненный Шар, а потом добавил сверху несколько Факелов. Первый превратил в пепел молодую сосенку, второй пробил насквозь крыло, буквально пригвоздив автоматон к земле, но по-настоящему удачно попал только третий.

Я успел чуть отвести удар в сторону, чтобы ненароком не повредить жив-камень, и заклинание пылающим копьём ударило в шею Палецекрыла, почти отделив голову от туловища.

– Мать милосердная, силища-то какая... Со ста шагов кресбулат как картонку пробил! – удивленно пробормотал кто-то за моей спиной – кажется, Боровик. – Ну прямо как покойный князь.

Глава 4

– Точно помер? – Иван осторожно шагнул вперед, выставив перед собой ствол штуцера. Будто оружие могло помочь, вздумай сейчас автоматон пробудиться от вечного сна. – Ну и образина... Смотреть – и то страшно!

– Ну так еще бы, – отозвался кто-то из новеньких. – Здоровый какой. И зубы-то, зубы – с мой палец!

Я улыбнулся, но обвинять гридней в трусости, конечно же, не стал. Даже упокоенный Пальцекрыл выглядел грозно и внушал если не страх, то по меньшей мере уважение и осторожность. Так что приближаться к поверженному чудовищу мне и самому не очень-то хотелось.

Но, как говорится, положение обязывает – и я первым направился к распростертой на земле металлической туше. Автоматон лежал среди поломанных молодых деревьев на брюхе, раскинув крылья, и никаких признаков жизни... то есть функционирования, больше не подавал. Сделав еще пару шагов, я остановился, прислушиваясь, но из-под брони доносилось только едва слышное потрескивание остывающего металла силовой установки.

Других звуков не было – даже тихого жужжания, с которым обычно работали диафрагмы сенсоров, фокусируясь на цели.

Неудивительно: Факел угодил Пальцекрылу туда, где у живой птицы или ящера располагался бы позвоночник. Я вложил в самое обычное заклинание пятого ранга столько маны, что оно прожгло шею насквозь. Перед концентрированным потоком температурой в несколько тысяч градусов не устоял ни металл, ни уж тем более хрупкие внутренности под броней.

Вторая дырка осталась на крыле – побольше диаметром и с оплавленными неровными краями. Видимо, этот Факел оказался чуть мощнее. Еще две недели назад о такой силе я мог только мечтать. А теперь...

Теперь даже не чувствовал себя уставшим, хоть недолгая схватка с машинами Древних и подточила резерв.

– Это ж как вы так здорово попали, ваше сиятельство? – вполголоса поинтересовался Боровик. – Могли ведь и жив-камень зацепить.

Старик, разумеется, мыслил исключительно о добыче – как и положено гридню. Меня же куда больше волновало, насколько сильно пострадали от падения детали, которые могли бы пригодиться Святогору.

И еще кое-что.

– Подгоните машины, – распорядился я. – И заодно осмотритесь по сторонам. Если Пальцекрыл охотился на какую-нибудь тварь с аспект – она наверняка где-то поблизости.

– Если и так – ей уж конец пришел. – Иван опустил на корточки рядом с поверженным металлическим чудищем. – Вон пасть какая – никто не уцелеет.

– Как знать, как знать, – усмехнулся я. – Тайга полна сюрпризов.

Скорее всего, парень был прав: если где-то и существовали животные, способные выдержать попадание сгустка плазмы, они наверняка водились далеко на севере, а не в паре километров за Невой. Но и Пальцекрыл вылез из своего металлического гнезда – или что там у него? – уж точно не потому, что ему просто захотелось полетать над лесом, неторопливо переговариваясь по неведомым каналам с Гончими.

Машины Древних охотились – но на кого?

– Стойте! – Седой, успевший отойти на пару десятков шагов, вдруг замер с поднятой вверх рукой. – Чувствуете – бензином пахнет!

– Да это от пикапа, наверное, – отозвался Иван, с явной неохотой отрываясь от изучения Пальцекрыла. – Там третий день патрубок у карбюратора подтекает, все забываю сделать...

– Пикап в той стороне остался. – Седой указал стволом «холланда» куда-то мне за спину. – А ветер с севера дует. И вонища такая, что глаза режет – с карбюратора столько не капает.

Я несколько раз втянул носом воздух и с третьей попытки действительно почувствовал запах. Седой не ошибся: его и правда принесло откуда-то со стороны заимки. И чем больше я принюхивался, тем больше казалось, что где-то неподалеку отсюда кто-то разлил целую лужу бензина.

– Иван, Василий – к машинам. – Я перешагнул через сломанное Палецкрылом деревце. – Остальные – за мной. Идем цепью, вперед не высовывайтесь. Видите что-то – сразу говорите.

Шептать уже не было никакого смысла. Дядин «холланд» грохотал на всю Тайгу, и шум от нашей схватки с автоматами наверняка слышали даже в Орешке. Если где-то впереди скрывались люди, они уже точно знали, что мы идем. А если звери...

Нет, это вряд ли. Никакая тварь, будь у нее сколько угодно аспектов, не стала бы прятаться там, где так воняет бензином. И уж тем более не стала бы охотиться на лязгающий доспеками отряд с Одаренным во главе.

Я шел не торопясь, вглядываясь в темную зелень вокруг. Грядни шагали следом. Ровной цепью, как я и велел, и только новички понемногу сбивались в кучу, попутно заходя мне за спину. Видимо, боялись – и, сами того не замечая, сбредались под защиту бронированного по самые глаза князя, способного одним ударом упокоить металлическую тварь с размахом крыльев в неполные десять метров.

– Вроде вижу, ваше сиятельство, – произнес тихий голос у меня за спиной. – Прямо перед вами, метров сто будет.

Седой снова оказался самым глазастым. Когда я обернулся, он уже успел опуститься на одно колено и теперь рассматривал лес впереди через оптику «холланда». Остальные тут же встали и дружно взяли штуцера наизготовку, но куда или в кого стрелять, похоже, пока еще не сообразили.

Впрочем, как и я.

– Что там? – поинтересовался Иван. – Зверюга какая?

– Да не разобрать... Темно больно, под деревьями тень густая. – Седой на мгновение повернулся к сыну и снова прижался лицом к латунному окуляру. – Большое, квадратное. На грузовик похоже.

– Ну а что – разумно. Откуда еще бензину тут взяться? – Я пожал бронированными плечами. – Идем дальше.

Я пока еще не понял, куда именно следует двигаться, но направление представлял. А через полсотни шагов и сам разглядел впереди темный угловатый силуэт. Седой не ошибся: когда мы подошли поближе, нашим взорам открылась сначала кабина, а потом и остальные части грузовика.

Разбитого. Машина выглядела так, будто с разгона слетела с дороги, а потом еще два-три десятка метров ползла на боку, продираясь сквозь деревья. Наполовину выкорчеванная из земли молодая сосна намертво засела в радиаторе, которой словно обнимал дерево – такой силы был удар. Еще несколько переломанных стволов торчали из-под кузова. Смятый капот и бампер валялись чуть в стороне – видимо, отвалились по пути. Будь вокруг асфальт, все вокруг наверняка засыпало бы осколками, но здесь их уже успело затянуть мхом, будто искалеченный грузовик пролежал...

Сколько? Ржавчины на кабине и бортах кузова было столько, что от краски почти не осталось следа, но здесь она появляется за считанные часы. Тайга умеет избавляться от всего ненужного, пожирая брошенное железо за несколько дней. На такую громадину, конечно, ушло бы побольше, но что-то подсказывало: появись мы здесь, к примеру, через неделю – даже Седой

с его зорким глазом и оптикой «холланда» мог бы и не заметить грузовик. Мох уже всю карабкался по расколотому надвое бамперу и крыльям и явно не собирался останавливаться.

А за месяц машина, пожалуй, и вовсе исчезла бы полностью.

– Осмотрите кузов. – Я неторопливо загремел броней, обходя грузовик. – И кабину. Там может быть что-нибудь ценное.

– Ценное я уже нашел, – отозвался кто-то из новеньких из-за деревьев. – Вот, посмотрите.

Раздался глухой удар – похоже, пнули ботинком, – и прямо к моим ногам по траве попался круглый предмет, в котором я не сразу узнал лишившийся ручки чайник. Когда-то эмалированный, но теперь покрытый исключительно ржавчиной и вездесущим таежным мхом. Кое-где на стенках проглядывали сквозные дыры, а носик и вовсе держался на честном слове – его основание больше напоминало решето, чем сварной шов.

– Вот-вот развалится, – усмехнулся гридень. – Будто тыщу лет тут пролежал.

– Это Тайга. – Голос Седого раздался из-за грузовика. – Дней пять прошло, как грузовик разбился. Край – неделя.

– Меньше! – Боровик, сидевший на корточках чуть в стороне, призывно махнул рукой. – Посмотрите сюда, ваше сиятельство. Где посуше – вещи еще лежат. Палатки, мешки спальные... Всякое.

– Ага! – отозвался еще кто-то, на этот раз уже издалека. – Тут метров на сто барахла рассыпано.

Чем дальше я шел по следу из изломанных и выкорчеванных деревьев, тем яснее становилась картина. Грузовик мчался через Тайгу, прыгая по кочкам и разбрасывая вещи из кузова, потом потерял управление, на полном ходу завалился на бок – и так и остался лежать.

– Тут вроде дорога, ваше сиятельство! – крикнул Седой. – Ну, как – дорога... Пресека, раскатанная, явно не раз ездили. Видимо, с нее и слетел.

Я даже не пошел смотреть: все и так было яснее некуда. В Тайге не так много тварей, способных потягаться в скорости с машиной. А из тех, что может еще и согнать ее с наезженного маршрута и заставить свернуть в чащу, рискуя грузом, лично я знал только одну.

Пальцекрыла. Именно он преследовал многострадальный грузовик – и в конце концов то ли всадил в него пару зарядов из пушки, то ли просто сбил с дороги. От Гончих водитель и дальше уезжал бы по открытой местности, но угроза сверху заставила беднягу свернуть под защиту деревьев. Правда, это не помогло: сенсоры автомата наверняка умели работать не только в видимом диапазоне, но и в еще нескольких режимах, включая тепловизор. И если неподвижный человек в броне мог кое-как спрятаться под густой хвоей, то грузовик...

Грузовику повезло меньше.

– Так это что, зубовская машина, получается? – догадался Боровик. – Больше тут ездить некому.

Я молча кивнул. Похоже, мы наблюдали перед собой все, что осталось от экспедиции за Неву. Обнаружив, что форта больше нет, забытые в Тайге гридни решили ехать к Великанову мосту – и попались Пальцекрылу. А может, автоматы гнали их чуть ли не от самого лагеря далеко в лесу. Или без регулярных рейсов в Гатчину и обратно в глуши стало так паршиво, что бедняги решили удрать оттуда, прихватив все, что было, – вплоть до чайников. И возвращаться уже не собирались.

Я вспомнил плазменную пушку Пальцекрыла и сразу за ней – острые стилеты, которые торчали из пастей Гончих. Судя по тому, что мы не нашли тел ни в кузове грузовика, ни в кабине, гридни умерли не здесь – и очень нехорошей смертью.

Те, кто пришел в Тайгу твердой поступью хозяина, убегали, поджав хвост.

– Интересно, а где водитель? – спросил кто-то за моей спиной. – Ну, и остальные... ушли?

– Недалеко, – отозвался Седой, высываясь из-за зарослей неподалеку. – Они... В общем, тут они. Хотите посмотреть, ваше сиятельство?

Я не то чтобы желал, однако любопытство все же победило лень. Впрочем, зрелище явно не стоило нескольких десятков шагов в тяжелой броне: от гридня остался только измазанный темной жижей камуфляж, череп и пара десятков костей, половина из которых уже успела зарости мхом. Но наверняка здесь поработала не только Тайга – судя по тому, как лежали останки, кто-то подкрепился беднягой.

– Тут еще один. – Седой отодвинул лапы молодой ели стволом «холланда». – Тоже... поеденный.

Второму гридню повезло больше – в том смысле, что его неведомая зверюга не обглодала до костей, а только выпотрошила и разорвала надвое. Ноги отсутствовали, нижняя часть туловища напоминала месиво, зато верхняя – ребра, голова и плечи – почти не пострадала. При желании я мог бы попытаться рассмотреть лицо.

Вот только желания почему-то не было.

– Матушка... Это кто ж его так? – пробормотал Боровик, опускаясь на корточки рядом с мертвецом. – Вижу, зубами рвали – только на волка не похоже.

– Не знаю. Но он в кого-то стрелял. – Седой подобрал валявшийся неподалеку штуцер и со скрежетом оттянул вниз заржавевшую скобу. – Гильз не видать уже, но магазин пустой. А в Тайге оружие незаряженным не носят.

– Следов нет. – Боровик в очередной раз огляделся по сторонам. – Мох быстро растет, тут за полдня все...

Договорить он не успел. Из глубины ельника послышалось низкое утробное ворчание и хруст веток. Судя по звукам, там двигалось что-то тяжелое и недоброе. Неведомый зверь то ли вернулся завершить трапезу, то ли услышал голоса и решил разнообразить диету еще и свежей человечинной.

– Матушка, спаси и сохрани... – испуганно пробормотал кто-то из новичков. – Никак, медведь пожаловал!

– Встаньте за мной! – рявкнул я, снова доставая из ножен Разлучника. – Оружие – к бою!

Тяжелые шаги стали громче, и через несколько мгновений лапы молодых елей расступились, выпуская чудовище, подобного которому я еще не встречал. И на медведя оно походило мало.

Но и человеком тоже уже не было. Позеленевшая кожа, огромные ручищи с отросшими желтыми ногтями, налитые кровью глаза и зубы размером с фалангу пальца. Волос на голове ожившего мертвяка почти не осталось, а лицо изменилось так, что если бы не повисший лохмотьями камуфляж с сине-желтым шевроном и лопнувшие у подошвы ботинки, я, пожалуй, и не догадался бы, что *это* получилось из самого обычного гридня.

До размеров княжича из рассказа Горчакова он не дорос, но надо мной уже возвышался на целую голову – видимо, ужин из бывших сослуживцев усвоился на отлично.

– Упырь! – одними губами проговорил Боровик, отступая на шаг.

Седой выстрелил первым. С десятка шагов, можно сказать, в упор. И пуля из «холланда», способная разорвать человека чуть ли не надвое, лишь заставила уродливую тварь отступить на шаг – но она тут же снова двинулась на нас, рыча и вытягивая руки.

Обычные ружья и штуцера упырь и вовсе не замечал. Его гигантское тело впитывало свинец, как губка воду. Пара выстрелов в голову, возможно, были бы поубедительнее, но перепуганные гридни палили наугад, суетливо дергая затворы и вколачивая в мертвую плоть пулю за пулей.

Так что пришлось заканчивать все самому. Чары, заключенные в металле брони, радостно вспыхнули, глотая ману из резерва, и несколько десятков килограмм стали и кресбулата будто исчезли. Я одним прыжком одолел разделявшее нас с упырем расстояние, отсек сначала одну здоровенную руку, потом вторую и, крутанувшись на пятках, ударил в шею. Пламя

на клинке Разлучника сердито взвыло, и огромная плешивая голова слетела с плеч и покати-лась по земле.

Тело сделало еще пару шагов – и только потом рухнуло, заливая мох густой темной жижей.

– Кончился, никак, – выдохнул Боровик, опуская ружье. – Я уж думал – придется топо-рами добивать.

– Надо было в голову. – Один из новеньких указал на «холланд». – Из большого штуцера одной бы пули хватило.

– Умный, что ли? – недовольно огрызнулся Седой. – Сам-то куда стрелял?

Я не стал слушать ворчание гридней – поверженный упырь интересовал меня куда больше. Точнее, не сам он, а исходившая от распростертого на земле тела магия. Тяжелый и мрачный аспект смерти уже рассеялся, не успев дотянуться ко мне сквозь броню, но осталось еще что-то. Мягкое, ровное... и знакомое.

Жив-камни отыскились в нагрудном кармане камуфляжа – там, куда гридень успел их спрятать еще до того, как превратился в кровожадное чудовище.

Всего два и совсем крохотные, малой категории – но все же неплохая прибавка к добыче. Плюс три Гончие, Палецкрыл...

– А это что там еще у него? – поинтересовался Боровик, нависая у меня над плечом. – Бумажка какая-то с закорючками.

Действительно, карман упыря скрывал не только жив-камни, но и сложенный вчетверо листок, на котором я разглядел нарисованные карандашом символы. Непонятные, но все же знакомые – такие уже встречались мне раньше. На дядиных татуировках, на клинке Разлучника, на груди Святогора...

И еще кое-где.

Глава 5

– Сгружайте Пальцекрыла, – распорядился я, на ходу отцепляя нагрудник брони. – И мелких тоже сюда, под верстак. Потом разберемся, что с ними делать.

– Так точно, ваше сиятельство. – Василий развернулся боком, кое-как протискиваясь в дверь с Гончей на руках. – Будет сделано!

Даже без пары конечностей автоматон весил килограмм восемьдесят, не меньше, и вдвоем тащить его было бы куда проще, но парню почему-то понадобилось геройствовать. Видимо, он очень хотел доказать всем, и особенно новичкам, что ничуть не слабее здоровяка Рамиля, который пока еще отлеживался в гриднице. Дурной пример оказался заразителен, и силачи умудрились превратить разгрузку пикапа в самое настоящее состязание по тяжелой атлетике.

Не выделялись только Седой с Боровиком: взяли Гончую вдвоем и понесли без ненужного геройства. Наверное, поэтому и управились куда быстрее остальных. Когда огромная туша Пальцекрыла наконец переместилась из кузова на пол в оружейне, я отпустил гридней. Большинство из них могли разве что орудовать кувалдой, а разборка сложной машины требовала не только времени, но и какого-никакого умения возиться с инструментом.

В общем, подходящий для такой работы специалист у меня был только один... одна.

– Игорь! – Катя влетела в оружейню, едва не повалив неторопливо шагавшего к выходу Боровика. – То есть Игорь Данилович! Приехали? Взяли Пальцекрыла?

Ее сиятельство вредина явно готовилась к моему возвращению. А может, и вовсе сидела и ждала с того самого момента, как мы с дружиной погрузились в машины и направились к Великанову мосту. И я мог только догадываться, что интересовало Катю больше: чтобы я вернулся живым и с полным набором конечностей – или автоматон, которого можно ограбить на пару-тройку модулей для Святогора.

Кажется, все-таки второе. Раз уж она не только примчалась сразу же, как услышала из дома шум моторов, но и явилась в полном облачении механика: тяжелых ботинках со стальными носами, комбинезоне из брезента и отцовской рубашке с закатанными по локоть рукавами.

Для сражения с уже упокоенной таежной машиной – в самый раз.

– Как видишь, – усмехнулся я, показывая на распростертую на полу металлическую птицу. – И еще мелких три штуки – под верстаком лежат. Разберешь?

– Да куда денусь.

Катя махнула рукой и закивала, но на сложенных в ряд Гончих даже не посмотрела. Похоже, ее интересовал только их летающий друг. Точнее – его части: крылья я отсоединил еще в Тайге, чтобы поместились в кузов.

– А движители?! – Катя склонилась над металлическим туловищем, разглядывая то место, где раньше крепились суставы. – Сломали?!

– Целые твои детальки, – усмехнулся я. И кивнул в сторону выхода. – В пикапе лежат. Сам снимал.

– Спасибо!

Ну да, действительно. Кого интересует старший брат, которому запросто могли всадить заряд плазмы в темя...

– А это чем ты его так? – Катя опустила на корточки и коснулась оплавленной дыры на шее Пальцекрыла. – Огненным Шаром?

– Факелом, – отозвался я. – По-другому такую броню не прошибешь. И еще – голову старался не задеть.

– Ага. Пушку снять надо. Не бойся, эту я уже не сожгу. Там столько маны не нужно, и еще охлаждение добавить. Правда, пока не знаю – как.

– Ничего. Вместе разберемся. – Я оглянулся в сторону укрытой брезентом фигуры в дальнем конце помещения. – А со Святогором – как успехи?

– Пока не очень. Сложный он. Руки-ноги еще понятные, а что внутри – попробуй разберись. – Катя на мгновение помрачнела, но тут же снова заулыбалась. И помчалась к волоту. – Зато я теперь знаю, как ему броню снимать. Смотри!

Тяжелая темно-зеленая ткань сползла на пол, и я присвистнул. Святогора было не узнать. Он не только уселся ровнее, привалившись спиной к бревнам стены, но и лишился чуть ли не половины деталей, включая голову. Наплечники куда-то исчезли, а пластины и зеркало, раньше прикрывавшие грудь, лежали у ног прямо на полу.

– Это ж как ты такую тяжесть подняла? – поинтересовался я, разглядывая здоровенные куски металла. – Сама?

– Дядя помогал. – Катя улыбнулась, но потом нарочно состроила недовольную физиономию. – Он теперь от меня вообще не отходит. Следит, чтобы не придавило.

– Правильно делает... Наверное.

Я шагнул вперед, разглядывая нутро волота. Без головы и могучих бронированных плеч он стал чуть ниже ростом, а комплекцией и вовсе изменился так, будто его целую вечность морили голодом. Видимо, нечеловечески мощные и тяжеловесные пропорции Святогору придавали именно эти детали, а без них он скорее напоминал увеличенное в полтора раза подобие доспехов, которые достались мне от плененного Зубова.

Если бы не ноги толщиной с мое туловище и прикрытые щитками из кресбулата предплечья, волот, пожалуй, выглядел бы... почти изящно. Теперь его формы, можно сказать, повторяли рослую и крепкую мужскую фигуру, и я даже мог без труда представить, где именно в металлическом туловище древние умельцы оставили место для пилота.

Похоже, человек забирался в волота сзади, через что-то вроде двери или просто прикрытого броней отверстия в спине. Пропускал конечности куда следует, их закрепляли ремнями, и плоть сливалась с наполненной древней магией и мощью жив-камня машиной.

Сейчас у Святогора не было головы – зато остался шлем. Точнее, подшлемник из потрескавшейся от времени кожи, свисающий на каких-то проводах. Когда-то создатели волота не поленились добавить подбой из толстой стеганой ткани – вроде той, из которой обычно делают ватники. То ли хитрая конструкция скрывала в себе какой-то полумагический интерфейс или что-то вроде системы связи, то ли все было куда проще и все это предназначалось лишь для того, чтобы защитить от тяжелых ударов.

Интересно, а как тут вообще с обзором? В прорези много не увидишь...

– Руки у него как будто в порядке. Только смазать и почистить. Ноги я уже починила. – Катя легонько щелкнула пальцем по гигантскому колену, подняла руку и коснулась груди волота. – А вот что с этим делать – ума не приложу.

Даже моих весьма посредственных познаний в области техники хватило понять, к чему она клонит. Конечности Святогора, хоть и были защищены кресбулатом и сталью, все же не раз страдали от ударов чужого оружия или боевых заклинаний. Металл кололи, рубили и резали в десятках и сотнях сражений, и сколько же раз ремонтировали, укладывая новые заплатки на те, которым исполнилось пара столетий.

Но то, что заменяло волоту внутренние органы, скрывалось под броней такой толщины, что сохранилось в нетронутom виде. Во всяком случае я, как ни приглядывался, так и не смог заметить никаких следов ремонта. И если все прочие части Святогора хранили в себе наследие прошедших веков, то сюда прямые и не очень руки ушедших в небытие мастеров, похоже, не дотянулись.

Наверное, поэтому центральные системы и выглядели во много раз сложнее и технологичнее тех, что скрывались под металлом конечностей. Конечно, до изящества конструкции автоматов Святогору было далеко, но что-то общее определенно прослеживалось. И выглядело оно так, будто внутренности волота столетия назад сотворили нерадивые ученики Древних.

Бледная, неполноценная копия – но все же вполне функциональная. Была, по крайней мере.

– Интересно, все это работает? – Я коснулся руками толстых проводов и гофрированных трубок, расходящихся от центра груди волота, будто ребра. – Лет-то сколько прошло...

– А почему нет? Повреждений я никаких не вижу. – Катя пожала плечами и коснулась кончиками пальцев углубления примерно на полметра ниже того места, где раньше располагалась голова Святогора. – Только какая разница? Главной детали все равно нет.

– Это какой?

– А ты сам как думаешь? – Рука Кати сжалась в кулачок, ткнулась в углубление, и ее тут же осторожно обхватили слегка изогнутые металлические трубки, похожие на пальцы. – Чего не хватает?

– Жив-камня, – наконец догадался я. – Его сюда вставляют?

– Вставляли, – вздохнула Катя. – Но где такой теперь возьмешь? Нужен большой, а их в Тайге уже лет сорок не находили, а то и все пятьдесят. Отец рассказывал.

– Купить можно. – Я почесал затылок. – Дорого, наверное, но...

– Купить... Ну ты скажешь. – Катя невесело усмехнулась. – Он стоит, как все Отрадное, да еще и с усадьбой. Но не только в этом дело.

– Никто не продаст?

– Ага. Такие камни просто так не лежат. Все при деле. Один в крепости в Орешке, еще сколько-то в волотах стоят – там же. У Зубовых должен быть в Гатчине... Может, в Изваре тоже есть. – Катя на мгновение задумалась. – Штук семь на все Пограничье найдется, а больше – не факт.

– Понятно. – Я тоскливо покосился на разъем в груди Святогора, который, похоже, опустел еще в незапамятные времена. – А средний не подойдет? Из Палецкрыла достанем.

– Да если бы. Тут смотри провода какие – энергии море нужно, если жив-камень не потянет – ты в такой броне и руку не поднимешь. – Катя тронула здоровенную лапищу волота и снова повернулась ко мне. – Хотя ты, может, и поднимешь... Только ходить все равно не сможешь.

Я молча кивнул. В моей голове уже вовсю роились мысли о том, что Палецкрыл с его пушкой в пасти и силовой установкой, способной поднять в воздух полтонны металла и электроники, наверняка жрет куда больше маны, чем Святогор даже в его лучшие годы. Но, видимо, дело было еще и в оптимизации процессов. Изготовленный местными умельцами волот по сути своей являлся сложнейшим соединением магии и техники, однако он и рядом не стоял с машинами Древних.

Мысли роились – но делать, похоже, пока было нечего.

– Да уж... Учиться нам еще и учиться, ваше сиятельство, – вздохнул я, погладив сестру по плечу. – Ладно, разбирайся с этими железяками – вдруг чего придумаешь?

– Попробую. – Катя протяжно вздохнула. А потом прищурилась и посмотрела мне прямо в глаза. – Или, может, ты в Тайге большой камень найдешь?

– И я попробую, – улыбнулся я. – Если получится – сразу принесу.

* * *

– И ты его мечом и порубал, получается, – задумчиво проговорил дядя, закинув ногу на подлокотник дивана.

Положить вторую и улечься как следует ему, видимо, не позволяло воспитание. Но мелких дел и так накопилось великое множество, а за четыре часа моего отсутствия их количество выросло еще чуть ли не вдвое, так что беседа затянулась. И дядя сначала стоял в дверях, потом, как обычно, подпирал плечом стену между картой и книжным шкафом. После этого сел.

И в конце концов улегся. Слушать мой рассказ про вылазку в Тайгу в вертикальном положении ему, похоже, надоело.

– Получается, порубал, – отозвался я, перекатывая на ладони снятые с восставшего гридня жив-камни. – Зубовских там трое было. Но этот своих товарищей того... схарчил. Полагаю, в лагере на севере никого не осталось.

– Опять ты про этот лагерь, – недовольно проворчал дядя. – Осталось, не осталось – какая разница? Будто других дел никаких нет. Вон, упыри, считай, чуть ли не прямо за Великановым мостом ходят.

– Ну, не прямо, конечно... – Я мысленно прикинул расстояние, которое мы проехали до того места, где подбили Пальцекрыла и нашли перевернутый грузовик. – Но близко, да. Надо бы у реки наблюдательный пункт поставить. А лучше сразу на том берегу.

– А людей где возьмешь?

– Люди будут. Это, дядь Олег, для нас теперь не проблема, а исключительно расходы. – Я наклонил ладонь, и сияющие мягким светом жив-камни скатились на стол. – А вот упырь – это да. И автоматы. И зубовский лагерь, хоть его больше и нет, скорее всего – тоже.

– А он-то почему? – буркнул дядя.

– А потому, что все эти явления наверняка имеют одну и ту же причину. Уж не знаю, нашел ли его сиятельство Николай Платонович то, что искал, но что-то в Тайге точно есть. – Я заложил руки за голову и со скрипом откинулся на спинку кресла. – И это что-то Зубовы и разбудили.

– И что же они, по-твоему, могли разбудить?

– Как раз и хочу выяснить. Может, саму Тайгу? – усмехнулся я. – Не просто же так оттуда поперли автоматы и твари, которых на Пограничье не было уже полвека с лишним?

– Не просто так, Игорек. – Дядя наконец стряхнул с ноги тапки, улегся ровно и уставился в потолок. Так пристально, будто на нем были написаны ответы на все наши вопросы. – Ой не просто... Я поэтому и говорю – не надо нам в это лезть. И не найдешь ты там ничего хорошего!

– Ну, Пальцекрыла уже нашел. И трех Гончих. И вот это. – Я глазами указал на жив-камни, поблескивающие на столе. – Каждый по полтыщи рублей. Но дело не этом, дядь Олег. А в том, что даже если я вдруг решу запереться в Гром-камне и не ходить в Тайгу – рано или поздно она придет сюда сама.

– Ладно тебе придумывать, – отмахнулся дядя. – Сто лет жили у нее под боком – и ничего.

– И эти самые сто лет, полагаю, никто не ходил далеко на север. И до этого – тоже не ходил. Лет этак примерно... много. С самых времен князя Владимира Святославича. – Я покопился на висевшую на стене карту. – Думаешь, наши предки просто так?..

– Думаю, что хватит тебе уже ерунду болтать! – Дядя засопел и принялся ворочаться на диване. – Здоровый лоб – а все в сказки веришь. Алатырь-камень этот...

– Этот. А что, по-твоему, еще может быть? – Я пододвинул поближе лежащую на столе фотокарточку. – Здоровенная глыба – и на ней рунные письмена. Как на волоте. Или на тебе, к примеру.

– Ну и что? Это ж не магия. Чары – они и без всяких рун работают. Хотя... – Дядя на мгновение задумался. – Черт его знает, Игорек. Может, и есть в этих письменах какая-то сила. Но их попробуй разбери.

– Попробую, – отозвался я. – И разберу.

У меня было не так много времени, чтобы разобраться со странными закорючками на снятой с упыря бумажке, но кое-что я все-таки понял. Последовательность рун совпадала с той, что была в записях. Тех самых, которые я забрал из сейфа, когда спалил мост и зубовский форт на том берегу Невы.

Только на этот раз строчек оказалось больше – раза этак в полтора. Вместе они наверняка образовывали связный текст, но его смысл от меня пока ускользал. Кое-какие руны прочитал дядя, еще парочку сумела вспомнить бабушка, однако настоящим знатоком и толкователем письменности древних варягов не была и она.

– Сам не разберешь, – вздохнул дядя. – У Горчакова спросить можно. Он у нас на Пограничье вроде как главный хранитель старины. Так что или его – или матушку Серафиму.

– Диаконису? – удивился я. – Так она ж вроде как по совсем другому... писанию.

– Ну и что? Их в монастырях всякому учат, не только молитвы читать. И латынь, и греческий... Может, и в языке варягов что-то соображает. – Дядя взял рукой за спинку дивана и уселся. – Если и она не поможет – то разве что Молчана спросить останется.

– А Молчан что, еще и руны знает?

– Это я тебе так не скажу, Игорек. Но он столько лет живет, что все на свете видел.

– Ну прям уж – столько, – усмехнулся я. – Думаешь, не врет?

– Да кто ж его знает – врет, не врет... Но я когда мальцом был, он уже с такой же бородой ходил, как сейчас. А это лет сорок прошло, не меньше. И отец то же самое говорил. – Дядя понизил голос, будто сам почему-то стеснялся собственных слов, но все-таки закончил: – И дед.

Выходило... солидно. Если почивший еще до моего рождения князь Михаил Олегович не ошибся, то Молчан еще в прошлом веке выглядел точно так же, как сейчас. А значит, уже давно разменял вторую сотню лет.

Много – даже для Одаренного.

– Ладно. – Я отложил листки с рунами в сторону. – Успеем еще разобраться. Не горит.

– А что горит?

– Дружина, дядь Олег. Давно уже заняться надо. – Я оперся руками на стол и встал из кресла. – Завтра поедем в Орешек, заглянем в казарму к служивым. Может, кого-нибудь домой и увезем.

Глава 6

Крепость возвышалась над водой. Ее башни будто росли прямо из свинцовой и холодной ряби Ладоги – точно так же, как и сотни лет назад. Так же, как и в мой прошлый визит сюда, на берег, к Таежному приказу в Орешке. Тускло поблескивали орудия и картечницы на стенах, прогуливались туда-сюда крохотные фигурки караульных. Гарнизон нес свою службу.

Город будто и не заметил, что наступила осень. Но я бывал здесь не так уж часто – поэтому и видел перемены на каждом шагу. И первые встретились нам еще по дороге.

Деревья вдоль трассы пожелтели – все, кроме вечнозеленых сосен. Близость Тайги надеяла растения необычной силой, и они пока не спешили раздеваться к зиме, но октябрь понемногу брал свое, засыпая асфальт желтыми листьями. Они теперь лежали повсюду, несмотря на все усилия местных дворников. Краснощечные бородачи с бляхами и в форменных фуражках наверняка чуть ли не сутки напролет орудовали граблями и метлами, собирая разноцветные кучи – но лишь для того, чтобы ветер снова рассыпал их по улицам.

Людей на тротуарах стало меньше, а те, что были, шагали куда проворнее, чем в сентябре: видимо, спешили поскорее добраться до тепла под защиту стен. Суровые усатые господа и их почтенные супруги прятали замерзшие руки в карманах плащей и легких осенних пальто и кутались в огромные шерстяные платки. Даже молодые парни – мои ровесники – застегивали одежду под самое горло и дополняли гардероб шляпами, шапками и цветастыми шарфами, копируя кого-то из популярных киногероев ушедшего лета.

Держались только девчонки. Городские модницы возрастом от Кати до Полины никак не желали сдаваться холоду и до сих пор щеголяли в коротких юбках, курточках из тонкой кожи и сапожках, которые едва лигодились для прогулок под осенним дождем. Мерзли, страдали, перемещаясь по улице короткими перебежками, но все равно терпели.

Красота продолжала требовать жертв, хоть лужи по утрам уже то и дело сковывало льдом, а на прошлой неделе, по слухам, даже выпал снег.

– Ну вот куда она вылезла, дуреха? – проворчал дядя, провожая взглядом очередную точеную фигурку, забавно ковыляющую по тротуару на высоченных каблуках навстречу «козлику». – У меня ремень шире, чем на ней юбка. Застудит себе там все – как потом рожать будет?

– Ну, рожать ей, допустим, нескоро. – Жихарь слегка придавил гипсом тормоз, провожая девушку оценивающим взглядом. – А там уж найдется, кому такую красоту пригреть.

– Тебе лишь бы пригреть, – усмехнулся я. – Еще на ноги не встал, а все туда же. В Орешке барышни шустро бегают – как догонять будешь?

– Да хоть бы и на костылях, Игорь Данилович. – Жихарь невозмутимо пожал плечами. – Кто-то ж должен. По вам-то целая княжна вздыхает – и какая! Умница, красоты неопишущей и со ста шагов белке в глаз промаху не даст. А вы то ли не видите, то ли видеть не хотите, то ли я не знаю...

– Да чего там видеть-то? – отмахнулся я. – Не до того сейчас – сам понимаешь.

Слова Жихаря неожиданно задели меня за живое. И вовсе не потому, что я ничуть не интересовался ее сиятельством Еленой Ольгердовной – очень даже наоборот! Она действительно буквально воплощала собой все добродетели женщины Пограничья, а род Горчаковых по древности и происхождению ничуть не уступал моему...

И именно это и усложняло все до предела. Будь Елена обычной девчонкой из Орешка, Тосны или Отрадного, я, пожалуй, не стал бы тянуть кота... ну, допустим, за хвост. Тренировки, упражнения с Даром, сражения и строительство усадьбы требовали немало сил, однако у молодого тела их было в избытке, и оно периодически напоминало, что раз уж я пока не

добрался до могущества Стража, поднявшись над простыми смертными и их незамысловатыми удовольствиями, неплохо бы пожить здесь и сейчас.

Но с Еленой малейший намек на близость подразумевал если не сватовство, то что-то слишком на него похожее. И пока оставалось только догадываться, что случится, вздумай я совершить хоть какие-то движения в эту сторону. Старик Горчаков ценил меня как соседа, уважал как боевого товарища и, может быть, даже любил по-своему, мы собирались вместе вести дела, однако посягательство на единственное сокровище старика... Да чего уж там – я и сам пока не намеревался связывать себя узами брака.

Первым делом – коровники, волоты, Тайга и недобрые соседи. А тихое семейное счастье придется оставить на потом.

– Я много чего понимаю, ваше сиятельство, – вздохнул Жихарь, вырывая меня из размышлений. И тут же снова хитро заулыбался. – В общем, Анна Федоровна правнуков дождется нескоро.

– Ну, все мы чего-то дождемся. К примеру, пополнения в гриднице. Я вот думаю – рано или поздно полсотни человек наберу. – Я соорудил задумчивую физиономию, подпер ладонью челюсть и уставился наружу сквозь стекло. – И кому-то, чую, придется переехать в коровник, если места не хватит. Не хотелось бы, конечно, но...

– Понял. Осознал. Умолкаю.

Жихарю уже давно позволялось несколько больше, чем рядовым гридням. Не то чтобы он так уж часто злоупотреблял правами товарища, советника и порученца по всем на свете вопросам, однако сегодня явно перегнул палку. Когда разговор закончился, я даже не поленился украдкой взглянуть на дядю.

Тот сидел хмурый как туча. Он всегда ратовал за неукоснительное соблюдение субординации, только на этот раз казалось, что его недовольство направлено вовсе не на зарвавшегося гридня – а на меня. Будто и сам хотел сказать что-то... этакое – но почему-то не решился.

Ничего себе. Вот так, подаришь девушке древний клинок – считай, женился.

Впрочем, думать обо всем это мне пришлось недолго. Жихарь свернул на набережную, проехал еще полторы сотни метров и остановился. Специально не у самого Таежного приказа, а чуть подальше, не доезжая до небольшого двухэтажного здания перед казармой, где на первом этаже располагалась армейская столовая, а на втором, кажется, апартаменты для младшего офицерского состава.

Я никоим образом не афишировал цель своего визита в Орешек, но слухи, похоже, зарождались сами собой – и перемещались по Пограничью куда резвее дядино «козлика». И не успел я открыть дверь, как вокруг машины уже столпились вольники.

– Доброго дня, ваше сиятельство! – слышалось со всех сторон. – Как там в Отрадном погода, как у нас – холодрыга? А как здоровье Анны Федоровны?

Разумеется, большая часть фигур в камуфляже остались стоять в очереди у Таежного приказа, однако от разнообразия оружия и расцветок разве что не рябило в глазах. И я что-то не припоминал, чтобы в мои прошлые визиты в город хоть кто-то так радовался. Видимо, за миновавшие с моей победы над Зубовым недели история успела обрасти поистине эпическими подробностями. Половина из них наверняка была придумана рассказчиками и пересказчиками от начала и до конца, но кого и когда это волновало?

Ветер на Пограничье переменялся – и вольники почувствовали это первыми.

– Разойдись, судари, – усмехнулся я. – Мы сегодня не в приказ.

– Это как пожелаете, ваше сиятельство. – Сразу несколько фигур в выцветших зеленых куртках согнулись в учтивом поклоне. – Мы просто подумали – ну мало ли, вдруг вам от нашего брата чего надобно?

Намек был яснее некуда. Однако задерживаться и вести разговоры с потенциальными кандидатами в гридни я не собирался. Всех вольников без уголовного прошлого и не замечен-

ных в особой дружбе с Зубовыми Седой уже давно держал на карандаше, и ему же я поручил поглядывать на тех, кто приехал на Пограничье совсем недавно. Мы с дядей благоразумно решили, что куда лучше обучить стрелять, драться и читать следы зеленого новичка, чем перевоспитывать бывшего каторжанина.

В общем, у нас была некая тактика – и мы ее придерживались.

– Будет надобно – узнаете, – отрезал я, выбираясь на тротуар.

Повторять дважды мне не пришлось. Вольники тут же расступились, и через несколько мгновений мы уже не торопясь шагали в сторону построек, отведенных солдатам. Здесь народу было поменьше, да и сама публика попримечнее. Во всяком случае, никто не спешил бежать мне навстречу, кланяться, приставать с расспросами и выплясывать вокруг нас с дядей. Местные служивые наверняка тоже уже знали, зачем мы пожаловали в Орешек, однако вели себя прилично.

Во всяком случае – пока.

И я уже начал подумывать, у кого спросить дорогу до дежурного офицера, как за спиной послышались тревожные голоса. Чутье, которое и до этого весьма толсто намекало на не самые приятные события, взвыло так, будто меня ударили обухом по голове. Чей-то Дар – намного сильнее моего собственного, даже с поправкой на способности Стража – вспыхнул совсем близко, и Основа тут же оцетинилась, готовясь драться.

Половину солдат у столовой тут же как ветром сдуло. А те, что остались, замерли на крыльце, явно готовясь в случае чего метнуться за дверь. Служивые всегда отличались умением испаряться в случае внепланового визита руководства, а прибывший на набережную гость, хоть и не имел прямого отношения к армейским чинам, по положению не сильно уступал даже коменданту крепости.

Огромная машина – угольно-черная, с сияющими хромом фарами и задним бампером – вальяжно проплыла мимо и остановилась у тротуара в десятке шагов впереди. Я не успел разглядеть эмблему марки, но и без нее понял, что в Орешек приехало нечто крутое, мощное и запредельного дорогое. Рядом с этой громадиной и внедорожники, и спортивное авто младшего Зубова, и служебный агрегат его сиятельства Павла Валентиновича показались бы лишенной всякой солидности повозками. Такая «каре́та» подошла бы и самому великому князю новгородскому.

Но это явно был не он.

Водитель – высокий худощавый мужчина в фуражке и ливрее – еще только шагал к задней двери, чтобы открыть ее для пассажира, а я уже знал, кто сейчас появится из машины. Обычно господ, принадлежащих к всем известной славной фамилии, сопровождали несколько авто с вооруженными до зубов громилами, но глава рода приехал один.

Видимо, потому, что ни в какой охране попросту не нуждался.

Больше всего его сиятельство походил на старшего из братьев Зубовых. Точнее, это Платон Николаевич оказался почти копией родителя. Помолодевшей, одетой по последнему писк столичной моды, однако все равно отдающей дешевизной и посредственным качеством. Сын унаследовал от отца сложение и не самый выдающийся рост, но в нем не было даже намека на тяжеловесную основательность и мощь, которую буквально излучал глава рода.

Для визита в Орешек старик Зубов выбрал темно-серый костюм и плащ из толстой коричневой кожи. Не самое роскошное одеяние – одна золотая оправа круглых очков наверняка стоила дороже всего остального.

Как бы то ни было, явно не наряды делали его сиятельство тем, кто он есть. От старика веяло чем-то древним и могучим – тем же, что я раньше ощущал разве что в присутствии Горчакова. Зубов сменил внедорожник на элитное авто и был выбрит до зеркального блеска, однако я почему-то без труда представил его в доспехах. Причем не новомодных, наполовину состоящих из тянущихся современных тканей, а выкованных лет этак триста-четыреста назад.

Когда шлем, кольчуга и пластины на груди – почти такие непробиваемо-толстые, как золоченая кираса волота.

Под маской благообразного и воспитанного патриарха скрывался не только хитрец, интриган и правитель старой закалки, но и боец – сильный, опытный и беспощадный. Зубов наверняка еще помнил те времена, когда князю Пограничья полагалось не отсиживаться в теплой и уютной усадьбе, а лично вести в бой дружину, шагая перед строем.

А может, и не только помнил.

– Доброго дня, Николай Платонович. – Я чуть склонил голову. – Полагаю, не ошибусь, если скажу, что вы здесь для того, чтобы увидеть меня.

– В том числе. И, раз уж мы оба решили обойтись без всяких витиеватостей, вы не откажетесь немного прогуляться? Вдвоем, без лишних ушей и глаз.

Голос у Зубова оказался под стать внешности – густым, низким и чуть хриплым. Преисполненным подобающих аристократу манер и фальшивой доброжелательности, однако все равно не предвещающим ничего хорошего.

Я не успел заметить, как мы с ним фактически оказались одни. Мои почитатели из числа вольников разбежались как тараканы, Жихарь остался в машине, а дядя, только что шагавший следом, чуть отстал. Не потому, что испугался, конечно же, – просто всем видом демонстрировал, что с главой рода положено беседовать только другому главе.

Во всяком случае, пока не заговорило оружие или магия.

– Не откажусь.

Я обернулся и махнул рукой Жихарю, который уже успел полезть за револьвером.

Абсолютно бесполезным в такой ситуации.

– Что ж... А вы не робкого десятка, Игорь Данилович, – усмехнулся Зубов, разворачиваясь. – Немногие на вашем месте согласились бы остаться со мной наедине.

– А чего мне, собственно, бояться? – Я пожал плечами. – У вас достаточно сил убить здесь всех, включая солдат и вольников. Но вряд ли вы настолько глупы, чтобы делать это прямо в городе, при свидетелях. Такого государь точно не простит. Даже вашему роду.

– Вряд ли вы хотя бы догадываетесь, что мой род может себе позволить. – Зубов приподнял бровь. – Однако в одном вы в любом случае правы: я не настолько глуп, чтобы разносить набережную магией. Будь у меня желание от вас избавиться – я действовал бы иначе.

– Не стали бы марать руки лично? – ухмыльнулся я. – Предыдущие попытки оказались не слишком удачными.

– И поэтому у меня нет желания продолжать. – Зубов не просто проигнорировал мой выпад, а будто и вовсе не заметил. – Эту глупую вражду пора прекратить. Мои люди мертвы или искалечены – почти двадцать человек, многих из которых я знал лично. Мой сын в тюрьме – и останется там надолго, если не навсегда. Неужели этого не достаточно?

На мгновение я даже почувствовал что-то отдаленное похожее... нет, пожалуй, все-таки не на жалость: на несчастного и усталого старика Зубов не тянул никак. Однако сопереживание все же шевельнулось внутри.

Но лишь для того, чтобы снова смениться колючей злобой.

– Вы спрашиваете об этом меня, Николай Платонович? – Я чуть возвысил голос. – Не я отправил вольников на лесопилку. И не я нанял головорезов в гостинице. И уж тем более не я привел несколько десятков бойцов, чтобы убить моих родных и близких. Не мы, черт побери, начали войну!

– Однако в ваших силах ее закончить, – вздохнул Зубов. – Проявить благоразумие, которого Матерь лишила и меня, и моих сыновей. Увы, во всем случившемся исключительно наша вина – и наши ошибки. Но умный человек отличается от дурака именно тем, что умеет вовремя остановиться. – Зубов чуть ускорил шаг, чтобы не отстать от меня. – Я уже заплатил выкуп за своих людей – живых и убитых. Я прямо сейчас готов принести свои извинения за все, что

пришлось пережить вашей семье. И, если вы пожелаете, я прямо сейчас поклянусь, что ни я, ни кто-либо из моих людей или наследников отныне и впредь не станет пытаться навредить роду Костровых и всем, кого вы, Игорь Данилович, считаете своим другом.

– Извинения и клятвы? Немыслимо щедрое предложение, – ехидно отозвался я. – Даже страшно подумать, чего вы можете попросить взамен.

– Не так уж много.

Зубов преобразился моментально. Видимо, уже сообразил, что разыгрывать несчастного старика, чтобы взять меня поддельным раскаянием, бесполезно. Наверняка в арсенале, который он подготовил для сегодняшней беседы, в избытке имелись и угрозы, но пока их время не пришло.

Старик пытался торговаться. Честно – насколько это вообще возможно.

– Пограничье не такое уж и маленькое. На берегу Невы хватит места всем. И вам, и даже Горчакову с его лесопилкой, черт бы их обоих побрал. Вы еще можете прожить долгую, скучную и спокойную жизнь. – Зубов усмехнулся, покачал головой – и вдруг посмотрел мне прямо в глаза. – Если не будете лезть в Тайгу.

Глава 7

Я остановился, будто налетев лбом на бетонную стену. Требование и единственное условие Зубова оказалось настолько наглым и одновременно незамысловатым, что я вдруг почувствовал...

Нет, не удивление. Уж что-что, а удивляться тут точно было нечему. Скорее уж меня слегка разочаровала та неуклюжая простота, с которой его сиятельство резво, но в высшей степени топорно перескочил с почти высокопарной беседы аристократов на самые обычные торговые разговоры.

Ты мне – я тебе. Это мы поделим, а это, уж извини, я собираюсь оставить за собой. Законно или не очень – но раз и навсегда.

И куда только подевались рассуждения о благоразумии и горестях потерь?

– Вы меня разочаровываете, Николай Платонович. – Я вполне искренне вздохнул, даже не пришлось ничего разыгрывать. – Признаться, я на мгновение успел поверить, что вы отличаетесь от сыновей. Стремлением обойтись без ненужного кровопролития, умением мыслить хотя бы на два шага вперед... Манерами, в конце концов. Все Зубовы, кого я имел несчастье встретить до этого дня, не медлили с угрозами.

– Думаете, я собираюсь вам угрожать? – усмехнулся старик.

Он то ли мастерски держал себя в руках – куда лучше, чем все трое его бестолковых отпрысков, вместе взятые, – то ли и правда... скажем так, мыслил иначе. Чуть масштабнее обычного местечкового феодала, готового перегрызть соседу глотку за межу.

– Считайте это дружеским советом, Игорь Данилович. Или предупреждением – как вам будет угодно, – продолжил Зубов. – Вы не тот человек, кого можно легко запугать, но кажется вполне благоразумным. И наверняка уже догадываетесь, что может ждать вас на том берегу реки. Тайга беспощадна.

– И очень богата, не правда ли? – ухмыльнулся я. – Но все же не настолько, чтобы ее сокровищ хватило на всех. Прекрасно понимаю ваше нежелание делиться с соседями, однако могу вас заверить: род Зубовых не будет владеть Тайгой безраздельно. Нет, ваше сиятельство, этого не случится. Во всяком случае пока я жив.

– Это не так уж и сложно исправить. – Старик презрительно приподнял бровь. – Но я не собираюсь марать руки или рисковать жизнями тех, кто мне служит. Тайга сама прикончит всех – и вас, и тех, кто будет достаточно самоуверен, чтобы отправиться на север.

– Как скажете. – Я пожал плечами. – В таком случае, вам совершенно незачем беспокоиться, что и я тоже буду действовать на том берегу реки.

– Это верно. Беспокоиться следует вам. Здесь, в городе, – Зубов развел руки в стороны, будто пытаясь разом обхватить весь Орешек, – действует государев закон. Но за Невой защитить вас будет некому. В Тайге побеждает только сила.

– Да. И, уверяю вас, Николай Платонович, ее у меня достаточно. – Я сложил руки на груди. – Напомнить, что случилось с теми, кто считал иначе?

В глазах Зубова вдруг мелькнула такая ненависть, что я даже успел подумать, что все-таки перегнул палку. Но старик коптил небо слишком много лет и уже давно научился держать себя в руках. И вместо того, чтобы размазать меня по тротуару магией и до конца жизни отправиться на каторгу, только усмехнулся и отступил на шаг, разворачиваясь обратно к автомобилю.

– Что ж, как пожелаете. В таком случае – до встречи на том берегу. – Зубов приложил два пальца к виску и чуть склонил голову. – Доброго дня, Игорь Данилович.

К своим я возвращался в смешанных чувствах. С одной стороны, словесная перепалка как будто закончилась моей победой, ведь именно Зубову пришлось уйти, несолоно хлебавши.

Он, как и сыновья, ограничился разговорами и умчался прочь на своем дорожном автомобиле, оставив мне поле боя.

Но с другой стороны...

Нет, я даже в самых смелых своих мечтах не мог представить, что Зубов вот так легко откажется от своих планов. Раньше им двигали лишь расчет и жадность, а теперь к причинам ненавидеть меня прибавилась еще и месть. Рядовые гридни вряд ли были для старика большим, чем расходный материал, однако я заковал в кандалы и отправил в Москву его сына. И ни деньги, ни отцовский авторитет, ни даже воля столичных покровителей не сумели вырвать Александра Николаевича из когтей Тайной канцелярии.

И такого Зубов мне не простит. А значит, нас ждет новый виток противостояния – в тот момент, когда я как никогда раньше рассчитывал на передышку. Хотя бы еще пару недель зализать раны, нанять людей, привести в порядок охранные чары Гром-камня и, наконец, разобраться с собственным Даром. Пусть еще не набравшим мощи Стража, но уже явно вышедшим за рамки того, что умеют делать местные маги соответствующего ранга.

И тогда – может быть! – я сумею удивить даже старика Зубова, если ему все-таки взбредет голову наведаться в гости лично.

Но пока имеем только то, что имеем, – и с этим придется работать.

Примерно с такими мыслями я шагнул навстречу дяде. Но не успел он наброситься на меня с расспросами, как между нами вдруг появились несколько фигур в камуфляже. Не вольники – явно кто-то из гарнизона крепости. Пара рядовых, ефрейтор и долговязый худой парень с широкой фельдфебельской полоской на погонах.

Его я даже вспомнил – то ли потому, что он возвышался над остальными примерно на голову, то ли из-за физиономии – улыбающейся, наглой, но при этом по-своему приятной. Фельдфебель был одним из немногих, кто не удрал, когда подъехала машина Зубова. И наверняка наблюдал весь спектакль от начала и до конца.

– Доброго дня, ваше сиятельство! – проговорил он, чуть склонив голову. – Обратиться позволите?

– Обращайся. – Я пожал плечами. – Чего ж нет.

– Вижу, у вас с его сиятельством Николаем Платоновичем беседа вышла, – осторожно проговорил фельдфебель. – И такая, что хорошо, что только беседа. И мы с товарищами рассудили, что надобно бы вас, Игорь Данилович, по такому поводу чаем угостить. Не побрезгуете с солдатами за столом посидеть?

Я мог только догадываться, как совместное чаепитие может быть связано с Зубовым, но язык у парня оказался подвешен что надо. Среди своих товарищей он явно считался не только командиром и старшим по званию, а еще и заводилой.

Темные, почти черные волосы, загорелое лицо, тонкие усики, которые пошли бы скорее щеголю из младших офицеров, чем вчерашнему рядовому вояке. Впрочем, что-то подсказывало, что в низших чинах парень засиделся недолго. И фельдфебельский чин получил...

Да как бы не сразу после учебки. Насколько я успел изучить местную систему, такое случалось нечасто – но все же порой бывало. В случае, если солдат поступил на службу, уже имея за плечами какое-никакое образование. Или успел отличиться в первые же недели. Или...

– Вольноопределяющийся? – догадался я.

– Так точно, ваше сиятельство. Мы тут все, можно сказать, добровольно на службу пошли. Кроме Михаила. – Фельдфебель развернулся к товарищам. – Он из рекрутов, до зимы еще срочную тянуть. Если вдруг начальство раньше на волю не отпустит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.